

The book cover features a complex steampunk-style illustration. In the foreground, three characters in military uniforms are shown: a man in a dark uniform and cap on the left, a woman in a green uniform in the center, and a bald man in a tan uniform reaching out towards the bottom right. They are surrounded by large, intricate mechanical gears and chains. In the background, a tall, ornate clock tower with a large clock face stands against a dramatic, fiery red and orange sky. A large, dark, cylindrical object hangs from a chain on the left side of the frame. The overall aesthetic is a blend of historical military elements and fantastical mechanical themes.

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЦАРЬ-КОСМОС

Око силы

Андрей Валентинов

Царь-Космос

«Автор»

2010

Валентинов А.

Царь-Космос / А. Валентинов — «Автор», 2010 — (Око силы)

Время – не препятствие для тех, кто пытается изменить Историю... Тихий, ничем не примечательный 1923 год. Новая экономическая политика, болезнь Вождя, ожидание неизбежных перемен. В Технической группе при одном из отделов ЦК оказались трое молодых людей, демобилизованных из Красной армии. Работа поначалу не кажется сложной и опасной, и только письмо из Румянцевского музея заставило понять, чем действительно им придется заниматься. В эти же дни в секретной тюрьме ожидает расстрела бывший чекист, которому делают предложение, от которого нельзя отказаться.

Начинается грандиозная схватка Красных Скорпионов, в которой не считают потери. Привычный ход Истории изменен – товарищ Сталин вынужден подать в отставку. Перед Россией открывается иное Будущее... Новая книга Андрея Валентинова, входящая в знаменитый цикл «Око Силы», продолжает рассказ о тайной, скрытой от нас истории XX века. Грядущее пытается исправить ошибки Прошлого.

© Валентинов А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1. Скауты	7
1	7
2	11
3	18
4	24
Глава 2. Местная командировка	25
1	25
2	30
3	38
4	41
5	43
Глава 3. Высшая мера	45
1	45
2	50
3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Андрей Валентинов

Царь-Космос

– Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое пылкое воображение... Так было сказано одним очень умным человеком почти два века назад. Ему не поверили. Напрасно! Это была не констатация, а великое предвидение. Девяносто лет тому мы с вами встретились практически на руинах страны, и вы тоже не поверили мне.

– Немного меньше, Агасфер. Тогда была весна 1922-го по здешнему календарю. «Из России нэповской будет Россия социалистическая», я не забыл. Сейчас суббота 19 марта, 2010 года.¹ Итак, вы считаете свой эксперимент завершенным?

– Вы не изменились, мой друг. «Эксперимент» – скверное слово, сразу вспоминаются лягушки и собачки академика Павлова. Нет! Мы сделали то, что считалось невозможным. За неполный век Россия, может быть, самая несчастливая страна этого мира, стала сама собой, воплотилась, как Абсолютный Разум философа Гегеля, в нынешнюю реальность. Создано идеальное государство, которое управляет идеальным народом. Я не оговорился, именно идеальное, то есть, абсолютно соответствующее собственной природе. Недостатки, неизбежные для всего живого, удачно уравниваются достоинствами и дополняют их. Люди счастливы, мой друг и не желают ничего иного. Такого не было уже много столетий. Вот он, ответ, на все ваши сомнения!

– Мы говорим об одной и той же стране, Агасфер?

– Ирония ни к чему. Мы сделали это. Мы – народ России. Я лишь подсказывал, подбирая технологии, иногда уточнял курс. Все делали люди по своей доброй воле. Это был их выбор. Лично же я давно ни во что не вмешиваюсь. Счастливая доля прогрессора – великие труды поначалу и легкое завершение работы. Сейчас я больше путешествую, обзираю сделанное. К счастью, линейность Времени для нас с вами не проблема, поэтому я предпочитаю заглядывать в самое начало, кое-что подправлять, так сказать, наносить заключительные мазки на картину.

– А вы не опасаетесь, что этим займутся другие?

– Если этим займется вы, мир просто не выдержит, погибнет. Вы же не столь жестоки! А людям не дано исправлять Время, даже переместившись в минувшее. Всякое изменение неизбежно делает невозможным само перемещение, а значит, блокирует все последствия. Вы можете каждый день убивать свою несовершеннолетнюю бабушку, но возвращаться будете в привычную Историю. Люди это уже поняли, недаром в нынешней счастливой России так часто говорят о том, что История не знает сослагательного наклонения. Такая сознательность, право слово, умиляет.

– Есть иная точка зрения. Вы слышали об «эффекте запаздывания»? Формула проста: глубина погружения в Прошлое, умноженная на два. Значит, если некий посланец из 2010 года что-то изменит, скажем, в 1920-м, то к 2190-му волна дойдет по текущей реальности и полностью ее изменит. Жернова мельют медленно, зато наверняка.

– Вы с ума сошли, о таком нельзя знать человеку! Это всего лишь теория, хуже – научная ересь. Но если о таком услышат... История уже состоялась, прожиты миллионы жизней, создан Прекрасный Новый мир.

¹ 19 марта 2010 года – это пятница. Автор напоминает, что «Око Силы» – произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с истинной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер. Можно добавить, что подлинная История описываемых событий неизвестна и едва ли станет известной в ближайшие десятилетия.

– Пусть решают люди, это будет их свободный выбор. Когда-то вы им кое-что подсказали, теперь – наша очередь. Мне поручено передать вам, Агасфер, что сделанное вами взвешено на весах и найдено слишком тяжким. Наблюдайте царствие свое, если хватит глаз, и оберегайте, если будут силы.

– Это война?

– Это предупреждение. Считайте, что персты огненные уже пишут на стене. Ибо всякой вещи есть свой срок и приговор и зло на совершившего тяжело ляжет...

Глава 1. Скауты

1

Ночью подморозило, но к утру холод отступил. Мокрый снег сменился дождем, ледяная мартовская броня, покрывшая улицы и площади Столицы, и без того нестойкая, истончилась и сгнула, уступая воде и грязи. Изменилось и небо: густой покров серых туч ушел на север, обнажая неяркую синеву, по которой заскользили острые силуэты перистых облаков. Весна наступала, в бессчетный раз выигрывая свою вечную битву. Год Черного Кабана, от Рождества Христова 1923-й, от начала же Великой Смуты Шестой, подходил ко второй четверти. Начавшийся в несчастливый понедельник, он шествовал неспешно, без великих войн и великой крови, ничем пока не прославленный и никем не проклятый. Вступивший в свои права весенний день, 19-й от начала месяца марта, тоже был понедельником, самым обычным, помартовски сырым и прохладным. Влажный серый камень, мертвые прошлогодние листья на сырой земле, всадники-облака в небесном просторе...

Александровский сад. Обелиск.

Этим утром здесь было неожиданно пусто, и молодой человек в старой офицерской шинели имел возможность без всяких помех и лишних расспросов стоять возле высокой каменной стелы, у подножия которой неопрятной грудной громоздились влажные венки из сосновых веток, увитых красными лентами. Поверх них на листе фанеры был установлен большой многокрасочный плакат. С мокрого листа бумаги грозно смотрел воздевший саблю пролетарий, увенчанный алым революционным полотнищем. Согнутое колено попирало черный силуэт Собора Богоматери, из-за пояса торчала синяя рукоять дуэльного пистолета, вокруг же черными колосьями вздымались к небу десятки острых штыков. Неровные бурые буквы строго вещали:

«Мертвецы Парижской Коммуны воскресли под красным знаменем Советов!»

Плакат был нелеп и смешон, как и обезображенный Обелиск с кладбищенскими сосновыми венками, брошенными в грязь. Еще не так давно молодой человек в шинели наверняка бы возмутился, может быть, даже сорвал мокрую бумагу, не желая терпеть шутовство. Он помнил, каким был Обелиск прежде: увенчанный золотым Орлом, украшенный именами Государей. Триста лет Династии, великий юбилей... Новые хозяева страны стесали древнюю славу, поспешив увековечить на неровном камне фамилии своих давно умерших и забытых кумиров, словно и вправду надеясь на помощь восставших мертвецов. Сегодня 19-е, вчера был день Парижской Коммуны. Видать, камлали, в бубны били, овечьи кости на костре жгли...

Молодой человек усмехнулся. Несколько лет назад, когда на шинели золотом блестели офицерские погоны, среди его сослуживцев ходила байка о Бессмертных Красных Героях – особой большевистской воинской части, укомплектованной гаитянскими зомби, оживленными по методу, описанному в романах Карла Мая. В зомби молодой человек не верил и подобные разговоры в своей роте строго пресекал. Сейчас же ему было просто смешно. Нелепый мертвяк в черном цилиндре с дуэльным пистолетом грозил башням Нотр Дам де Пари. Нет-с, господа-товарищи, не вышло у вас с Парижем. Слабы оказались краснознаменные зомби!

Улыбка тронула губы, на миг задержалась, истаяла. Красная мумба-юмба – это тоже вчерашний день, ушедший в вечность и никому уже неинтересный. Сегодня! Оно наступило, оно здесь, ради этого и следует жить. Надо было торопиться, но бывший поручик позволили себе

небольшую слабость – еще минуту возле сырого камня под синим весенним небом. Просто поглядеть на небо, просто глубоко вздохнуть, просто почувствовать, что жив.

Вновь шевельнулись губы, еле заметно, неслышно:

– Столицы в расходе, как в бурю облака.
Надгробные игры сыграли в синеве.
И в горы уходят неполных три полка,
летучего тигра имея во главе.

Матросы по следу, шенджийцы впереди,
повозки и кони сплелись в гнилую нить,
и прапор к победам шагает посреди,
еще ничего не успевший сочинить...²

Стихи запомнились случайно – услышанные на коротком привале после боя. Тогда он сам был прапорщиком, как и неведомый автор этих строк. Но воевали вместе, где-то совсем рядом, иначе не легли бы в строчку шенджийцы – оседлые цыгане, служившие проводниками и «добровольцам», и «красным». Один такой лохматый с медной серьгой в тот день привел их отряд в засаду. Отбились чудом.

– Счастливая доля – вернуться с той войны.
Контужен в походе – награда от богов.
Вчистую уволен от службы и страны,
навек свободен от всех своих долгов.

Бывшему поручику выпала счастливая доля – он вернулся с войны. Правда, награда от богов вышла чрезмерно щедрой, и возвращаться ему, списанному вчистую инвалиду, пришлось с черного хода. Чужая шинель, чужое имя, чужие документы в кармане. Поход вслед за летучим тигром стоил очень дорого... Но все-таки он вернулся, и сейчас может потратить лишнюю минуту, чтобы постоять возле изуродованного обелиска, посмеяться над воскресшим коммунаром в буржуйском цилиндре, проводить взглядом несущихся по небу белых всадников...

Бесконечное счастье – чувствовать, что жив. Все еще жив. Опять. Снова.

Поручик вновь улыбнулся, поправил фуражку, скользнул взглядом по случайному прохожему в такой старой же шинели, деловито шагавшему по аллее сада. Утро, все спешат по делам, пора и ему, вчистую уволенному от службы и от страны.

Нет! Он еще постоит. Несколько секунд, несколько мгновений...

«По улицам ходила большая крокодила, она, она ...» Тьфу, привязалась, зеленая! «... Голодная была. Во рту она держала кусочек одеяла...»

Красный командир сунул руку в карман, грея ноющие от сырости пальцы, и, еще раз ругнув не вовремя пришедшую на ум крокодилу, покосился налево, где высилась серая громада Обелиска. Вчера там играл оркестр, голосили ораторы, сегодня же никого, кроме одинокого парня в шинели, зачем-то остановившего возле груды мокрых венков. Шинель и фуражка незнакомца были определенно офицерскими, и красный командир неодобрительно хмыкнул. Не иначе из бывших, из недорасстрелянных по революционной спешке и запарке. Утратили бдительность товарищи из ЧК-ГПУ, пустили гулять по городу «кадета». Небось, и документы

² Стихи Александра Немировского.

чужие, и револьвер в кармане, и мысли под фуражкой несоветские. Стоит, на имена вождей, что в камне высечены, смотрит, греет ненависть классовую, насчет теракта соображает...

«Увидела француза – и хватить его за пузо! Она, она голодная была...» Не до тебя, крокодила! Сгинь, надоела!..

Командир пошевелил в кармане ноющими пальцами и подивился собственной кровожадности. Не иначе, контузия виновата – голова ныла всю ночь, к утру разболелась рука... Никуда бы не ходить, отлежаться, морковного чаю попить... Нельзя. Марш вперед, труба зовет, красные герои! И незачем пачкать подозрениями первого же случайно встреченного человека. Был бы тот «контрой» – не стоял бы у Обелиска с именами основоположников социализма. А насчет недорасстрелянных – так чья бы корова мычала! Товарищи из ЧК-ГПУ бдительность не утратили и нюх не потеряли, того и гляди вспомнят поименно, кому по ошибке и запарке законные девять грамм недодали. И с кого начнут, товарищ командир? С этого, в старой шинели – или с иных, что поближе? Шинель же на нем самом точно такая, как на незнакомце – офицерская, полученная на армейском складе осенью 1921 при демобилизации. Давно бы сменил, так не на что. Не берут инвалидов войны в «совбуры»!

«Увидела торговку – и хватить у ней морковку, она, она голодная была!»

Осудив себя за ошибочные и местами даже паскудные мысли, красный командир констатировал, что в виденной им картине есть кое-что неправильное. Не парень у обелиска (командировочный, поди!) – сам Обелиск. Что же это выходит? Воздвиг господин Власьев, придворный царский архитектор, это серое неподобие, дабы род Романовых восславить. Свергли угнетателей – а каменюке монархической хоть бы хны, лишь имена новые выбили. Были одни цари, старые, стали иные – новые. А что иначе зовутся, так велика ли разница?

В одном из госпиталей, куда занесла его фронтовая доля, довелось командиру прочесть старую книгу без обложки. Написал ее древний римлянин Корнелий Тацит. В гимназии не довелось, а здесь два раза перелистал, да и потом отдавать не хотелось. Среди прочего была там история про то, как некий римский губернатор, не пожелав на новую императорскую статую тратиться, просто заменил голову у старой. Так чем власть пролетарская того губернатора лучше? Стоило этакую тучу народа истреблять, чтобы вновь владыкам монументы ставить?

«Увидела чекиста – и убежала быстро, бока, бока отбили ей в ЧК...».

Нет, не заладилось в это утро у бывшего командира РККА. Больному да слабому даже крокодила из песни поперек дороги станет. С пресмыкающейся тварью у него были особые счета. Не с нею самой – пусть себе по улицам гуляет, ежели охота. А вот марш «Дни нашей жизни» композитора Чернецкого, на который она «крокодила» пелась, командиру крепко не понравился. Воевал он с января 1918-го, с самых первых выстрелов, и к последней, польской кампании, насмотрелся всякого. Понял: много дряни на войне, но хуже нет, когда над тобой и товарищами твоими – дурак-начальник. Что ни говори, а самое дорогое на свете – глупость, вовек не расплатишься.

Начальство попадалась всякое, лучше и хуже, но весной 1920-го поставили на их полк нового командира – бывшего унтера 129-го Бессарабского пехотного, для которого (для полка, не для унтера, понятно) Чернецкий и сочинял свой марш. Вот тогда «крокодилы» и наслушались. Комполка, как позже выяснилось, прежде служил в музыкантской команде, вот и тешил душу. Маршировать под «Дни нашей жизни» – ладно, но когда загремело, и паны-поляки войной пошли, вздумалось бывшему музыканту атаковать врага в полный рост, словно на царском смотре. В штыки – под «крокодилу».

«Увидела япошку – и хватить его за ножку...»

Был полк – не стало полка. С тех пор для красного командира бодрый маршик Чернецкого стал ничем не лучше вечного похоронщика-Шопена. Старался вспоминать пореже, забыть, а в это утро, как на зло – привязалось, следом идет, отставать не желает.

«По улицам ходила...» Да чтоб тебя вместе с твоим композитором! Отстань!..

В самом конце аллеи он обернулся. Возле серого Обелиска было пусто – незнакомец в офицерской шинели исчез, не иначе отправился бомбы в вождей кидать и гайки в рельсах отворачивать. Красный командир невольно усмехнулся. Бомбы для вождей, конечно, перебор, но если бы «контрик» не пожалел пару фунтов толу ради монаршьего монумента, он, член РКП(б) с мая 1916-го, не стал бы возражать. К чертовой матери всех царей – и прежних, и нынешних! Эй, крокодила, ты не против?

Ответа не было – вредная тварь предпочла промолчать. Испугалась, поди!

2

– Разрешите?

Ответа дожидаться не стал – взял и зашел. Прикрыл визгливо скрипнувшую дверь, поправил гимнастерку, привычно бросил руки вниз, вздернул подбородок:

– Вырыпаев Виктор Ильич. Мне нужна Техгруппа Научпромотдела.

– Ага!

Ответ прозвучал из-за стола. Говоривший даже не поднял головы, продолжая изучать густой машинописный текст. К чему именно относилось «ага» – к «разрешите» или к фамилии посетителя, понять было совершенно невозможно. Гость не настаивал. Он явно не спешил – неторопливо повернулся, осматривая помещение, потом столь же неспешно поглядел в окно. Смотреть, впрочем, было почти и не на что. За окном – влажный булыжник маленькой площади, посреди которого вольно разместилось чье-то черное авто, комната же казалась самой обычной – стол с черным телефоном да три стула. Портрет Карла Маркса на стене, чайник на подоконнике – и еще одна дверь, запертая и опечатанная, правда, не сургучом, а полосками, нарезанными из полосатых обоев. Второй столик, поменьше, забился в угол. Он не пустовал, будучи занят пишущей машинкой «Ремингтон» – полезным изобретением американца Шолеса. Обычно в таких кабинетах воняло табаком, но здесь явно не курили. Пахло мятой, и этот неожиданный запах был единственным, чему стоило удивиться.

– Я сейчас...

Тот, кто сидел за столом, без особой охоты положил бумагу в желтую папку с тесемками, выдвинул ящик стола, отчего-то поморщился, затем быстрым движением смахнул папку вниз, отправляя ее в фанерные глубины, после чего задвинул ящик обратно. Все это проделывалось с немалой ловкостью, но, и это было еще одной странностью, исключительно левой рукой. Правая бездействовала, будучи спрятана в карман брюк.

– Все!

Подведя таким образом итог, хозяин кабинета резко встал, шагнул из-за стола – невысокий цыганистого вида брюнет в старом залатанном британском кителе. Короткая стрижка, черные глаза с хитринкой, гладко выбритое лицо.

Орден на красном муаре.

– Не ошибся, товарищ. Техническая группа – прямо здесь. Пока что исключительно в объеме моей скромной личности. Тулак Семен Петрович, бывший командир роты.

Левая рука была уже протянута в сторону гостя – по виду тоже военного, и тоже с орденом, но не на муаре, а просто на застиранной почти добела гимнастерке. В отличие от леворукого, тот, кто вошел, был альбиносом – белые брови, светлые ресницы. Голова бритая, словно у красного героя Котовского, на правой щеке – глубокий шрам.

Вошедший, помедлив самую малость, тоже протянул левую ладонь.

– Будь готов!

– Всегда готов!..

* * *

– Где только не встретишь скаута, – усмехнулся поручик. – Ты из каких?

Вопрос был не слишком понятен, но командир РККА сообразил сразу.

– Из «юкистов», ясное дело. Красный галстук, красный флажок! Был заместителем командира дружины – еще в 1917-м. Мы одни из первых большевиков поддержали. А ты что, из «лесных братьев»?

– Вроде того, – не стал уточнять бывший белый офицер. – А сейчас, значит, в подполье?

– Почему – в подполье? – искренне удивился «юкист». – Скаутское движение, понятное дело, оплот монархизма и реакции, зато пионерская организация имени героя древности Спартака – самая что ни на есть коммунистическая реальность. А если приглядеться – то же самое, только рубашки белые. Дело правильное! Как там в «скаутском Обещании»? «Разведчик весел и никогда не падает духом». Как раз для нас с тобой.

Поручик не стал спорить. Да, настоящий скаут весел – и никогда не падает духом. Его младший брат был вожатым в подпольном «Братстве костра» – последней скаутской ячейке Киева. Уезжать отказался, не желая бросать своих отважных мальчишек. «Разведчик – брат всякому другому разведчику» – гласит Обещание.

Значит он, белый поручик – брат красному «юкисту»?

* * *

– В общем, присаживайся, товарищ Вырыпаев, – хозяин кабинета пододвинул поближе стул, после чего присел и сам, но не за стол, а рядом. Гость кивнул, устроился на стуле – и внезапно скривился, словно лимон зажевал.

– Болит? – не без сочувствия поинтересовался Семен Тулак. – Это от погоды. Сырость, я тебе скажу...

– Рука, – вздохнул альбинос, – крепко ты ее сжал. Мне кисть из кусочков собирали.

Он поднял левую ладонь, неуверенно пошевелил пальцами, вновь поморщился. Тулак понимающе кивнул, приподнялся со стула, покосился на свою правую, по-прежнему пребывающую в кармане.

– Ага, знакомо. Давай сразу, для полной ясности. Меня на Польском фронте здорово приложило, уже под самый конец. Ничего, оклемался. А добавили, уже в мирное время, можно сказать, в служебной командировке. Правой руке – полная амба, еле пальцами двигаю. Демобилизован вчистую за полной бесполезностью в деле защиты РСФСР. Я ведь тебе левую протянул, не потому, что скаут. Правой мне и карандаш не взять.

– А у меня как раз левая, – без особой охоты отозвался Вырыпаев. – Еще в 1919-м. Но это ерунда, служить можно. В 1920-м не повезло по-крупному, только не в Польше, а на Южном фронте. Но тоже ничего, встал. А потом, как и ты, поехал по казенной надобности в командировку и допрыгался. С тех пор меня к красным девицам пускать опасно – пугаются. Демобилизован с должности командира батальона.

Тулак кивнул в ответ. Ясность в самом деле была полная – правый глаз альбиноса был тусл и недвижим. Глубокий шрам словно подводил черту под случившимся.

– Батальонный, значит, – не без зависти протянул цыганистый. – А я дальше ротного не пошел. Ты чего, не из офицеров часом?

Нарочито неверное ударение лишь подчеркивало иронию, но альбинос не дрогнул лицом.

– Из красных курсантов, товарищ ротный. Направлен в дивизионную школу красных командиров, как партийный и закончивший гимназический курс. Выпуск января 1919-го. Служил в штабе полка, затем попросился на строевую. После войны обещали послать в Академию...

Левая рука вновь поднялась вверх, неуверенно пошевелила пальцами.

– А мне ничего не обещали, – хмыкнул Семен Тулак, – разве что под трибунал, так с этого не шибко разживешься. В общем так, товарищ Вырыпаев. Предлагаю: первое – не киснуть и не пищать, потому как разведчик весел...

– ...И никогда не падает духом, – согласно кивнул альбинос. – Принято.

– ...И второе – время зря не тратить и войти в курс дела. А вводить тебя в этот самый курс буду я за отсутствием иных кандидатур.

Цыганистый подошел к столу, зачем-то снял телефонную трубку, послушал, вновь опустил на рычаг.

– Не верю я этим телефонам, батальонный... Ну ладно, начнем с божьей... То есть, понятно, с помощью исторического материализма. О новом сотруднике меня еще вчера предупредили. Твою историю знаю, она ничем моей не лучше. Демобилизовали, справку выдали – и хоть на большую дорогу. Ты туда, ты сюда – нигде не нужен, разве что нэпманов пугать. Было б здоровье, как-нибудь бы пристроились, понятно. А таким, как мы, куда деваться? Я, знаешь, уже ничему не верил, потому как насмотрелся, как к нашему брату-ветерану относятся. Но в ЦК не подвели.

Вырыпаев согласно кивнул:

– Да, все верно.

* * *

Красный командир кривил душой – безработица ему не грозила. Еще до демобилизации, в госпитале, ему пообещали должность в армейской ЧК. Он отговорился, причем не без труда – упрасивали крепко. Затем позвали в ЧОН – в весной 1921-го части особого назначения переформировывались, и ему, как военному с опытом, предложили стать инструктором при губернском штабе. Но бывший скаут не хотел воевать. Более того, шестое чувство подсказывало, что с его биографией лучше не быть на виду, уехать подальше, найти тихую заводь... Решение оказалось парадоксальным, но, если задуматься, правильным. Едва ли такого, как они, станут искать в аппарате ЦК!

Поручик, напротив, стремился остаться в РККА. Это было удобно и даже безопасно в последние месяцы войны, когда в Красной армии служило более пяти миллионов. Но после Польской кампании началось сокращение, тех же, кто хотел служить дальше, проверяли всерьез. Рисковать с чужим именем и чужими документами не хотелось. Он решил уехать в самую глушь, где не расспрашивают, а воюют. Возвращаться пришлось уже инвалидом.

Можно было попытаться эмигрировать. В 1921-м и это было не так и сложно: на кордоне, что румынском, что польском, хватало «окон», где распоряжались ушлые контрабандисты. Поручик подумал – и решил остаться. Что делать калеке под чужим небом? Даже «Христа ради» не подадут. К тому же в России жил брат, которого следовало увезти из ставшего очень опасным Киева. Но для этого требовалось надежно устроиться самому. Фронтовику-орденоносцу найти спокойное место было нетрудно, но бывший белый офицер предпочел теперь не прятаться, не забиваться в щель, напротив – заглянуть в самую сердцевину. Какие они, победители? Чем взяли? Почему оказались сильнее их, ушедших вслед за крылатым тигром?

На предложенную должность в аппарате ЦК согласился сразу.

* * *

– Здесь, таких как мы, трудоустраивают. И не куда попало, между прочим! – бывший ротный присел на краешек стола, вновь покосился на молчащий телефон. – Политика простая: берут в первую голову бывших командиров и орденосцев. Мы как раз подходим, по всем, так сказать, статьям. Вот и определили – в Техническую группу при Научно-промышленном отделе.

– Мне так и объяснили в Орграспреде, – альбинос отставил стул, неторопливо прошелся по комнате, скользнул взглядом по бородатому портрету Основоположника. – Только ты еще забыл добавить: берут не шибко образованных. Я на всякий случай про серебряную гимназическую медаль промолчал – и в анкете писать не стал. Подсказали добрые люди! Но и неграмотных не берут. Вот и думай, кто здесь, на наших местах, требуется.

Товарищ Тулак хмыкнул не без некоторого смущения.

– А чего? Верные нужны – и не слишком умные, обычное, между прочим, дело. Я тоже в Орграсперде контуженного изображал, чтобы в положение вошли. Ты дальше слушай... Группы пока, считай, нет, только ты да я. А будет так: двое или трое сотрудников (это обратно мы с тобой) – и техперсонал, карандаши чинить и самовар ставить, тоже двое-трое...

– Про карандаши – потом, – перебил Вырыпаев. – Ты чего, ротный, службу забыл? Старший кто? А главное – задачи. Мы – Техническая группа, однако ни у меня, ни у тебя инженерного образования нет. Так чем нам заниматься? Мебель ремонтировать? Одноруким вроде как несподручно.

– Вопрос понял.

Бывший ротный слез со стола, прошел к чайнику, нерешительно ткнул в него пальцем, подумал, снова дотронулся, но уже смелее.

– Греть надо. Я здесь, товарищ батальонный, приспособился чай с мятой гонять. Сейчас вскипятим – и составишь компанию. Начальников у нас хватает. Подчиняться мы должны члену Центрального Комитета товарищу Киму. Его пока нет – из командировки не вернулся. Поэтому временно будем получать задания от товарища Товстухи Ивана Павловича. Но он тоже человек очень занятый – помощник самого товарища Сталина, генсека ЦК. И со здоровьем у него не лучше нашего, говорят, третьего дня из санатории вернулся...

– Все, как всегда, – вновь перебил альбинос. – Генерал занят, полковник пьян, капитан в отпуске, а командует унтер.

– Ага. И не всегда, скажу тебе, это плохо. В общем, пока слушаем приказы товарища Гриши Каннера, с которым, думаю, ты скоро познакомишься. Ну... Пожалуй, все. Ротный Семен Тулак доклад закончил. Пойду чайником займусь. У нас тут греть не на чем, но Гриша разрешил пользоваться примусом в его кабинете. Двинул!..

Он взялся было за чайник, повернулся к двери...

– От-ставить! – негромко, но резко скомандовал батальонный. – Что значит, «доклад закончил»? Про главное-то и забыли, та-ва-рисч командир! Делать-то чего надо? Задачи группы?

Вместо ответа, цыганистый отставил чайник, вернулся к столу, резким движением левой отодвинул ящик.

Папка с легким стуком упала на столешницу.

– Читай!

– Прямо так сразу? – усомнился альбинос, но бывший ротный только усмехнулся:

– Подписку в Орграспреде давал? Значит, допущен. Работай, та-ва-рисч!

Хлопнула дверь. Батальонный пошевелил в воздухе пальцами левой руки, еле заметно поморщился и шагнул к столу.

* * *

В воздухе пахло мятой, над кружками плавал горячий воздух, посреди опустевшего блюда сиротливо лежали маленькие неровные кусочки колотого сахара. Они не понадобились – чай оказался хорош сам по себе. Глотнешь, вздохнешь мятный дух, на миг удержишь дыхание...

– Это здорово, что мы с тобой табак не потребляем, – заметил Семен Тулак. – Боялся, что пришлют махорочника, тогда бы точно жизни не стало. Я после госпиталя дым, считай, не переносу. Воротит!

– Скауты не курят, – невозмутимо отозвался Вырыпаев, не отрывавший глаз от машинописной страницы. Уже прочитанные аккуратной стопкой высились по левую руку. Бывший ротный тоже не бездельничал. Пристроив карандаш в левой руке, он тщательно выводил боль-

шие неровные буквы. Не на бумаге – на обратной стороне куска обоев. «Настоящую», годную для «Ремингтона» бумагу, как пояснил Семен, приходилось экономить.

– И до чего успел добраться, товарищ батальонный? – не без иронии поинтересовался он, оценив объем уже прочитанного. Вместо ответа альбинос пододвинул ближе страницу, дернул светлыми бровями, прищурился:

– «... Коллегией за отчетный год было уделено большое внимание также и работам, имевшим целью как ближе ознакомиться с характером исходного сырого материала Тюя-Муюнской радиоактивной руды, которая в дальнейшем, в случае возникновения у нас радиевой промышленности, будет служить для нее сырьем, так и приступить к выработке наиболее рационального метода ее переработки. В этом направлении по поручению коллегии за отчетный год продолжались анализы технической руды Тюя-Муюнского месторождения, было приступлено к полному радиологическому анализу этой руды и начаты работы по изысканию рационального метода ее обработки. Наряду с экспериментальными работами за отчетный год коллегией было обращено также особое внимание на подыскание и приспособление для такого рода работ...»
Дальше читать?

– Я уже прочел, – хмыкнул Тулак. – Аж два раза. И про коллегию, и про то, что товарищи из ВСНХ не хотят на этот радий денег давать по причине явной убыточности для народного хозяйства. Ты по делу.

– По делу...

Вырыпаев отложил бумагу, несколько секунд помолчал, затем резко ударил костяшками пальцев по столешнице.

– А по делу выходит так. Поиски урановых руд ведутся в России с 1908 года. Этим занималось «Ферганское общество по добыче редких металлов», по капиталу – частное, по факту – смешанное, с участием государства. Нужное сырье – урановая смолка – было обнаружено в Тюя-Муюне в Ферганской долине, где добывали медь. От Академии Наук этим занимался профессор Вернадский...

– С прошлого года и по настоящее время – белый эмигрант, – усмехнулся Тулак. – По Парижам гуляет.

– ... Несмотря на войну и революцию исследования были продолжены. В марте 1918-го была создана специальная комиссия Академии, а затем – и коллегия ВСНХ. Наконец, задача была решена. В 1921 году, в поселке Бондюжском, что в Вятской губернии, из ферганской урановой руды был выделен радий с помощью нового метода, разработанного радиохимиком товарищем Хлопиным. Академия Наук предлагает продолжить финансирование работ, ввиду очевидной нужности радия...

– И его столь же очевидной дешевизны. Всего-ничего, двести килограмм золота за один грамм, – подытожил ротный, вставая. – Там дальше отрицательное заключение из президиума Совета Нархозяйства, расчеты всякие, смета. Дороговато будет!

– Но запрос пока не отклонили, а документы почему-то передали сюда, в Техгруппу.

Батальонный тоже встал, вышел из-за стола, взял кружку, вдохнул мятный аромат.

– Товарищи финансисты против, товарищи ученые – за, но не могут толком объяснить, зачем этот радий нужен.

– «Может бы быть использован медицинскими учреждениями, а также для дальнейших научных изысканий», – с выражением процитировал Тулак. – Красиво сказано, а? Мне ввек такого не придумать. «Дальнейших научных изысканий...» Двести кило золота за грамм. Это сколько в пудах будет?

– Сорок восемь за один золотник, – чуть помедлив, отозвался альбинос. – Да, слишком дорого – даже для медицинских учреждений. Но это и без нас прекрасно понимают. А поэтому вопрос: отчего Научпромотдел, вместо того, чтобы согласиться с теми или с другими, отправил бумаженцию к нам. Ученых здесь нет, бухгалтеров – тоже. Кто объяснить может?

Он помолчал, но ответа не дождался. Товарищ Тулак явно увлекся чаем.

– Ладно, попробую я. Ответ первый, самый простой. В ЦК уже есть свое мнение, но им надо записать в заключении, что документ рассмотрела Техгруппа. Для пущей бюрократической солидности. Значит, от нас ждут, что спорить мы не станем и согласимся с одним из мнений. С каким – догадаться просто, потому что в Академии Наук членов ЦК пока что нет, а в ВСНХ – наоборот. Но простой ответ – не значит правильный...

– Ага, – не слишком внятно отозвался бывший ротный.

– Предположим иное. В Научпромотделе видят, что дело хоть и ясное, но что-то в нем не так. Вроде бы радий и вправду может подождать, не хлеб и не уголь, но тогда почему исследования финансировались даже во время войны? Деникин под Тулой – а на радий деньги перечисляют. То, что я прочитал, писано как раз в 1919-м, в самую горячку. Тогда финансирование утвердили, более того, решили эвакуировать лабораторию подальше от фронта, в Вятскую губернию. Значит, был смысл? Вот нам бумаги и передали – ради свежего взгляда. Вдруг чего заметим?

– А я и не знал, что мы такие умные, – задумчиво проговорил Семен Тулак. – ВСНХ не разобрался, Академия не смогла, ЦК в сомнениях... На одних нас, контуженных, надежда. Не спят, поди, не едят, чаю не пьют – ждут, чего мы скажем, что увидим.

Умозаключение было подкреплено большим глотком из дымящейся кружки. Но альбиноса это ничуть не смутило.

– Уже увидели. Чего не было в этом году по сравнению с предыдущими? Не было, товарищ Тулак, профессора Вернадского, который, как ты верно заметил, гуляет по Парижам. Значит, мы не ошибемся, если предположим: товарищ Вернадский имеет, что сказать по предмету. Между прочим, это именно он предложил заняться радием еще в 1908-м, и тогда его поддержали. И в 1918-м, поддерживали, и потом. Но вот беда, Научпромотдел ЦК создан лишь в конце прошлого года, значит перед цекистами профессор еще не выступал. Что же он мог такого сказать? Спросить бы!..

Ротный отставил кружку в сторону. Альбинос заметил это и еле заметно улыбнулся.

– Не будем тревожить профессора, пусть себе гуляет, авось, еще вернется. Просто подумаем. Почему никто другой не выступил, не привел аргументы? Не про медицинские учреждения, не про какие-то там изыскания, а настоящие, серьезные. Не потому ли, что дело секретное?

Семен Тулак встал, молча обошел стол, открыл ящик в левой тумбе стола.

Еще одна папка – совсем тонкая, на пару страниц.

– Ведь что получается? По капиталу «Ферганское общество по добыче редких металлов» – частное, акционерное, но какая-то госструктура его все время поддерживала. Что интересно – и до революции, и после. Остается узнать какая именно – и почему. Как выразился по сходному случаю Эдгар Алан По: «Эта лодка с быстротой, которая удивит даже нас самих, приведет...»

– Главное артиллерийское управление, отдел Технических артиллерийских заведений.

Левая ладонь ротного легла на желтый картон.

– Я документы как раз перед твоим приходом получил. ГАУ их вело, этих физиков-химиков. Аж с 1908-го, еще до того, как рудник в Фергане заложили. А в 1910-м Вернадский особое мнение написал. Вот...

Зашелестели бумаги. Пальцы нашли нужную, расправили, подняли.

– «Радиевые руды должны быть исследованы нами, русскими учеными. Во главе работы должны стать наши ученые учреждения государственного или общественного характера». Ну, ему тогда же объяснили, что общественного – это гнилой либерализм, а вот государственного – в самый раз. Так что перед нами, товарищ батальонный, секретная военная программа бывшей Российской империи, а ныне тоже секретная, но наша, Союза Социалистических республик.

Бухгалтерам из ВСНХ эти тайны, понятное дело, никто разьяснять не станет, а Научпромотдел просто не поставили в известность. На беду и товарищ Вернадский отлучился, правда, не в эмиграцию, как некоторые несознательные думают, а для исследования элемента под названием «паризий», о чем также имеется соответствующий документ. Ничего, авось вернется, как ты верно заметил.

Вырыпаев кивнул, сжал губы, повернулся.

Резко шагнул вперед.

– Проверял, значит? Экзамен устроил?

– Не-а, – моргнул в ответ бывший ротный. – Это меня товарищ Каннер проверял. Сунул бумаги – разберись, мол, чего здесь не так, докажи, что не зря на должность назначен. Не сам он придумал – генсек товарищ Сталин поручил. Тут вся беда в том, что товарищи военные не очень любят делиться секретами с Центральным Комитетом. Вот и вышла накладочка. Ничего, товарищ Сталин заметил, Гриша Каннер бумаги собрал – а я полдня по этажам побегал и пару раз по телефону позвонил. Ты же спрашивал, какие у нас задачи? Вот такие, к примеру. Потом и потруднее будут. Я ответил?

Альбинос немного подумал, улыбнулся.

– Ответил. Ничего, справимся. «Разведчик трудолюбив и настойчив».

– «Исполняет приказание родителей и начальников», – подхватил Семен Тулак. – Последнее – точно про нас.

– Будь готов!

– Всегда готов!

3

Поручик понял, что война проиграна, победным летом 1919-го. Добровольческие корпуса рвались на север, большевики бежали, бросая целые губернии, города встречали белых пасхальным колокольным звоном, впереди уже маячила Столица в сиянии золотых куполов... Именно тогда бывший скаут ощутил ледяной холод грядущего поражения. Не на фронте, не после горячей атаки – в глубоком тылу, в тишине кабинета, листая бумаги в такой же точно папке, как та, что хранила секреты урановой смолки. Не поверил, перечитал вновь, достал другие папки, целую грудку. Бумаги пахли пылью, ровные писарский почерк и «слепые» буквы машинописи равнодушно вещали об одном и том же. Они проиграли – окончательно и бесповоротно. Разве что чудо...

Поручик, вы верите в чудеса?

С чудесами было трудно. Отец – инженер-путеец, мать – учительница гимназии, строгая «математичка». Брат отца, любимый дядя Сережа – известный финансист, банкир из первой российской дюжины. Сказок в доме не признавали, детям полагалось читать популярные брошюры по естествознанию и культурологии. Дядя-банкир, добрая душа, приносил иногда книжки про маленьких лесных человечков и школу волшебников, но непременно предупреждал, что это лишь выдумка, поучительное иносказание. Правда же – в толстых книгах, где много цифр и мало картинок. Именно дядя ранней осенью 1914-го, когда еще не стихли победные вопли «На Берлин!», поразил племянника-гимназиста своим мрачным видом и полным нежеланием говорить о будущей победе. «Ты знаешь, что такое «снарядный парк», племянш?»

Поручик вышел из госпиталя в мае 1919-го. Осколок нашел его под Мариуполем, когда полк отражал атаки Заднепровской дивизии Дыбенко. Ранение оказалось очень неприятным, с тяжелыми осложнениями, и молодой офицер едва отбил от грозившей ему «чистой» отставки. Не то, чтобы ему так уж хотелось воевать, но поход вслед за летучим тигром следовало завершить. Иначе какой из него скаут?

Начальство пожало плечами, предложив беспокойному инвалиду самому найти себе дело. Поручик принялся без особой надежды бродить штабными коридорами – и внезапно встретил давнего знакомого, правда не военного, а сугубо штатского. Михаил Владимирович Бернацкий, добрый приятель дяди-банкира, недавно был назначен начальником управления финансов Вооруженных Сил юга России. Все быстро устроилось. Адьютант гражданскому не полагался, и поручика оформили «помощником». Должность оказалась беспокойной – «начфин» Бернацкий редко бывал в кабинете, предпочитая проводить время в постоянных разъездах по вверенной ему территории. А поскольку будущий поручик в гимназические годы весьма успевал по математике, Михаил Владимирович усадил помощника за бумаги. «Знаете, что такое «ассигновка», молодой человек? Ничего, узнаете!»

Фронт гремел победами, его сослуживцы брали города, а поручик листал документы в желтых папках и подшивал к «делу» бланки телеграмм. Он сразу заметил, что военные успехи не слишком радуют белого «начфина». У него был свой фронт, на котором удач было куда меньше. Когда пришла телеграмма о начале экономической блокады Кубани – в ответ на необеспеченность все тех же «ассигновок», Михаил Владимирович, снял пенсне, тщательно его протер, уложил в кожаный футляр и коротко бросил: «Финиш!» Поручик не удивился, за эти недели он научился очень многому. Сын инженера-путейца и прежде не слишком верил в то, что на войне побеждает тот, в чьей армии больше героев. Героизм – всего лишь кровавая плата за ошибки, а «умение умирать», которым так гордились многие «добровольцы» – стыдливое признание неизбежности поражения. Победу дают порядок, крепкий тыл и контроль за исполнением приказов. У красных, которых его сослуживцы по привычке принимали за бежавшую из зоосада стаю бабуинов, все это имелось.

Поручик попросил разрешения еще просмотреть документы за последние дни. Желтая папка, «слепой» машинописный шрифт. Они проиграли. Чудо? Почему бы и нет? «Если возьмем Столицу до ноября, – без особой надежды предположил Бернацкий. – Молодой человек, вы верите в чудеса?»

Поручик в чудеса не верил. Тем же вечером он написал рапорт с просьбой отправить его на фронт. В свой полк он вернулся в начале сентября, за несколько дней до взятия Курска. До ноября, за которым лежал Рубикон, оставалось еще целых два месяца.

* * *

Где был красный командир в сентябре незабываемого 1919-го, он вспоминать не любил. Про весну и начало лета говорил охотно, по зиму тоже, а вот август и вся осень как-то выпали, затерялись, не оставив следа. Не в документах – там все было более-менее пристойно, если конечно, не копать всерьез. А вспоминать? На то и война: все спуталось, сплелось, перемешалось. Остались лишь короткие кадры, словно на экране синема, обрыв в начале, обрыв в конце...

...Белая пыль до самых небес, скрип повозок, хриплые голоса усталых людей, негромкая ругань, знакомый, давно уже ставший привычным, гул канонады.

– Товарищ начальник штаба группы! От товарища Якира. Он сейчас на позициях нашего полка, прислал меня со связью...

Впереди Умань. Первый бой они проиграли. Снарядов осталось чуть, и командующий Южной группой приказал атаковать без артподготовки. У петлюровцев с артиллерией тоже было не очень, зато хватало пулеметов. Именно тогда красный командир стал ротным, заменив убитого в бою.

– Прочитайте сами, товарищ. Я... не вижу.

Начштаба, бывший контр-адмирал Александр Васильевич Немитц, читать уже не может. Легкая рана, на которую вначале не обратили внимания, загноилась, растеклась болью, уложила на скрипучую повозку. Температура под сорок, не падает, растет. «Если умрет, без головы останемся!» – сказал этим утром Иона Якир. Негромко сказал, словно про себя, но все услышали.

– Передайте товарищу Якиру, что я настаиваю на четком исполнении плана. Атаковать на фланге, с левой руки, если не получится – атаковать снова. И обязательно – артподготовка. К вечеру Умань мы возьмем, пополнимся трофеями...

Глаза начштаба закрыты, еле движутся белые восковые губы.

Обрыв...

* * *

– ...И место для подписей – моей и твоей. Свою можешь поставить первой, мне не жалко. Ничего, завтра обещали прислать ремингтониста, пусть он и мучается.

Виктор Вырыпаев согласно кивнул, не отрываясь от бумаги. Документ с грозным названием «Техгруппа Научпромотдела ЦК РКП(б). Заключение № 1» составляли вместе, но писать довелось батальонному. Левая рука его нового сослуживца годилась лишь для выведения каракулей на обратной стороне обоев. Лист казенной бумаги требовал серьезного отношения.

– Одного боюсь, – вел далее товарищ Тулак, – пришлют такого же раненного-контуженного, вроде нас с тобой, и будет он в час по одной букве печатать. Ошибется – станет в потолок палить из именного маузера. А то и за шашку схватится.

Батальонный представил себе картину, подумал и усомнился.

– Зачем – контуженного? Направят какую-нибудь комсомольскую девицу с биржи труда. А то и партийную могут подобрать, сейчас в Столице безработица лютая.

– Девицу ему! – хмыкнул цыганистый. – Жди! Ну, чего получилось?

Он осторожно взял со стола лист, легко взмахнул им в воздухе, дабы просушить чернила, но читать не спешил.

– Для ясности, товарищ батальонный. Не будет тебе девиц с биржи. Места в Техгруппе – только для фронтовиков-инвалидов, о чем я уже докладывал. Не только из партийного гуманизма. Таких, как мы, хрен в шпионы завербуешь – проверенные и на врагов злые.

Вырыпаев промолчал, но весьма выразительно дернул светлыми бровями.

– Ты наивным не притворяйся и своей интеллигентской иронией не дави, – не одобрил ротный. – Шпионы – они не только британскими и белогвардейскими бывают. Секреты ЦК многих интересоваться могут. А этим многим, пусть даже они с партбилетами, при важных постах и в черную кожу одеты, о наших делах знать не по чину. Это я тебе намекнул, ты же попытайся понять в меру своего гимназического образования. А я пока почитаю, неспешно и вдумчиво.

Батальонный чуть подумал – и молча кивнул. Загадка оказалась не слишком сложной. «Кожаная» мода постепенно уходила в прошлое, но сотрудники Госполитуправления пока еще придерживались старых чекистских традиций.

* * *

Поручика так и тянуло съязвить по поводу того, что жандармов нигде не любят, но он предпочел воздержаться. Странно все же выходило, если подумать. В старой России жандармский корпус был из самых-самых, туда зачисляли лишь потомственных дворян. Любимцы власти! А вот все остальные, от эсеров-бомбистов до гарнизонных офицеров, этих любимцев на дух не переносили. ГПУ, кажется, полностью вписалось в традицию.

* * *

Бумага была подписана, что стало поводом для нового чаепития. Греть не стали – выпили по кружке чуть теплого отвара, после чего товарищ Тулак достал большие серебряные часы с гравировкой, взгляделся в циферблат и констатировал, что Техгруппа работает с явным опережением графика. Гриша Каннер, которому бумага и предназначалась, обещал быть на месте только через сорок минут. Оставлять «Заключение № 1» в приемной бдительный ротный не решался. Мало кто там под столом прятаться может?

– Делом пока займемся, – рассудил он. – Про радий – это только начало, пусть и важное. Каннер нам еще «вермишели» накидал. Сказал, что не к спеху, но лучше надолго не откладывать.

Вырыпаев недоуменно моргнул. Пришлось пояснять.

– «Вермишель», товарищ батальонный, – не только лапша по-буржуйски, которая сейчас только в академическом пайке встретишь. Это еще и не слишком важные вопросы, из тех, что высокому начальству решать не с руки. Вот, скажем, есть Совнарком – и есть Малый Совнарком, его как раз «вермишельным» и прозвали. Сваливают туда всякую мелочь, чтоб разбирались помаленьку.

– Кажется, «вермишелью» называли мелкие вопросы из повестки Думы, – вспомнил батальонный. – У нас в классе думали, что это – насчет продовольствия. Тогда, зимой 1916-го, перебои с хлебом начались.

– Во-во, правильно рассуждаешь. В Научно-промышленный отдел бумаги приходят разные. Которые из учреждений, те рассматриваются в первую очередь, на официальных заседа-

ниях. Но отдельные партийцы тоже пишут – и пишут много. Это и есть «вермишель». Наша задача – изучить и отсортировать. Ерунду – в архив, ценное – на рассмотрение. Пока у нас писем немного, с полдюжины. Два я сразу назад отдал, там про клады колчаковские. Гриша Каннер предупредил: если про золото и про иную наличность – возвращать без изучения и проверки. На них свои читатели найдутся, которые в черной коже.

– Жаль! – искренне вздохнул батальонный. – С детства мечтал клад отыскать. «Пиастры! Пиастры! Пиастры!» «Да сбудутся мечты Билли Бонса!» «Дарби Макгроу! Дарби Макгроу! Дарби, подай мне рому!»

Ротный только плечами дернул:

– Пиастры – это из детской книжки? Читал как-то в госпитале, там, правда, первых страниц не было. Скурили, грамотеи! Твои пиастры, товарищ Вырыпаев – форменная ерунда, они все на одной-единственной шхуне без напряжения поместились. А восемь вагонов золота из Казанского хранилища, которые беляками за Байкалом спрятаны? Тут уж не шхуна потребуется. Ничё, гимназист, там еще много интересного. Бери, читай! Про водяных людей есть. Слышал о таких?

Настало время батальонному пожимать плечами.

– Нет, не про водяных, которые в сказках, – понял его Семен. – А про возможность долгого пребывания под водой, что представляет немалый интерес для ведения разведки и партизанский действий во вражьих тылах. Погляди – и дай оценку. Там какие-то чудики часами в речке сидели, даже не булькали.

– Водоармейцы в тылу врага, – с выражением проговорил Вырыпаев. – И красный авиатор товарищ Яга. «Мертвецы Парижской Коммуны воскресли под красным знаменем Советов!»

– А, ты тоже плакат видел? Товарищи пропагандисты, конечно, погорячились. Народ у нас простой и конкретный, намеки не шибко понимает. Увидит того мужика в буржуйском цилиндре и, того гляди, поверит. Нас и так всякие несознательные «антихристами» величают...

* * *

– Был у меня случай, – хмыкнул красный командир. – Взяли село, с боем, с кровяной, а после, как отдышались и воды выпили, собрались наших ребят хоронить. Так местные не хотели на кладбище пускать, чтобы, мол, церковную землю не сквернили.

Он встал, без особой нужды поглядел в окошко, сжал левую руку в кулак.

– Вот тогда мы и наслушались. «Анчихристы, анчихристы, земля вас не примет!». Зря это они, злые мы были. Еле удержал бойцов, парни уже пулемет развернули. Одну бабку, самую вредную, на штыки все-таки взяли. Если подумать, так этой ведьме старой и надо! Мы ее для примера прямо на улице бросили – и до вечера забирать запретили, чтоб прочим неповадно было.

Белый офицер не выдержал – поморщился.

– Про водяных ничего не скажу, а вот про всяких ходячих мертвецов разговоры были. Полк Бессмертных Красных героев, гаитянские зомби на службе Республики Советов. Одним махом полк беляков загрызаем!

– И кровяшку выпиваем, – согласился краском. – Смешно. А ты про «попрыгунчиков» в Питере слышал? Были такие бандюки, на кладбищах прятались и в простыни одевались. Объяснить, зачем? Идет гражданин поздним вечером, а тут перед ним этакое страшило да еще с револьвером в руке. Тут не только кошелек отдашь!

– погоди! – изумился бывший белогвардеец. – Выходит, все эти разговоры про полк мертвецов – вроде психической атаки?

– Вроде. Но не все так просто. Видел я этот полк, 305-й пехотный. И с товарищем Венцлавом, его боевым командиром, знаком. Все под Казанью началось, в сентябре 1918-го. Тогда

наши еще воевать не умели, гад-Каппель одним батальоном целые дивизии гонял. Приехал товарищ Троцкий, в Свияжске его ставка была. Стал порядок наводить, трусов в расход пускать, целые полки расформировывать. Всякое случалось, каждого десятого стреляли, заградительные отряды из латышей ставили – пулеметами народ взбадривать. Сейчас об этом вспоминать не любят, но что делать-то было? Пропал бы фронт, рухнул. А ведь помогло – научились воевать.

– Научились, – кивнул поручик. – У нас в штабе как-то подсчитали. В 18-м «добровольцы» побеждали даже один к семи. В начале 19-го – один к четырем, к ноябрю – один к двум, и то не во всех случаях. Но дело не только в учебе. К 1919-му и у белых, и у красных личный состав стал практически одинаковым. И там мобилизованные, и там.

– Слишком умные они, твои военспецы, – хмыкнул красный. – Не все части можно равнять. Одно дело – латыши или Червонные казаки, совсем другое – обычный зауряд-полк из крестьян Весеьгонской волости. Товарищ Троцкий это сразу понял. Он тогда, в сентябре, предложил трусов метить – черные воротнички нашивать. Не поддержали. Тогда иначе сделали – начали создавать штрафные части. 305-й полк как раз такой. Собрали дезертиров – тех, что с поля боя бежали, командиров-растяп, комиссаров-недоумков. А во главе поставили испытанного большевика товарищ Венцлав. Рука у него тяжелая. Каторжанин! Вот он их к нормальному бою и привел, через полгода его часть в самых лучших числилась. Сейчас это Особый полк, в Подольске стоит.

– А как же Бессмертные Герои? – удивился беляк. – Мертвецы ходячие, революционные? Эй, по кладбищу! Тре-во-га-а-а! Гробы открыть, саваны заправить, катафалки на боевую позицию!..

Красный командир смеялся так долго и весело, что поручик даже позавидовал.

– Хорошо формулируешь, тебе бы резолюции составлять! Дело так было. Собрали в полк дезертиров и прочую шушеру, под знамя поставили, а дальше что? Как в бой их послать, чем убедить? Смертью уже пуганные, там не десятого – каждого третьего в распыл пускали. Вот тогда кто-то и скажи: беглецов, мол, будем отправлять в Столицу к товарищу Кедрову, который из коллегии ВЧК, на предмет научных опытов на живом человеческом материале. Ерунда, понятно. Товарищ Кедров тогда на севере воевал, какие уж опыты! Но, представь, действовало, как наскипидаренные в атаку побежали. Потом и по армии слух пошел, что штрафников в Столицу отправляют – живьем резать и пиявкам скармливать. А дальше, как в телефоне: не туда отправлять, а оттуда, и не для опытов, а после. И страхов всяких напустили: мертвякам микстуру особую вводят, чтоб из гробов вставали, по лесам оборотней ловят для использования в разведке, а сам товарищ Венцлав – упырь сибирский, из тех, что осина не берет. Ребята в полку, не будь дураки, спорить не стали, со всей этой ерундой соглашались. А там и прозвание родилось: Бессмертные Красные герои, не кто-нибудь. Между прочим, когда полк подтянулся, его стали для воспитательного воздействия использовать. Шепнут новобранцам, что провинившихся Бессмертным Героям отдадут на предмет поправления их здоровья – шелковыми становились. Вот и все сказки!

– Логично, – рассудил поручик. – Но скучно как-то. У меня семья не слишком верующая, в церковь ходили, чтобы только приличия соблюсти. Я детства усвоил, что сказки – сплошная выдумка, звери человеческим голосом не разговаривают, девочку же Машу три медведя просто съели. А упыри и оборотни – всего лишь плод народного невежества.

Командир РККА ответил не сразу. Думал.

– А! Понял, к чему ты. Жить вроде как скучно? Сплошная научная картина мира, и никакой тебе интеллигентской романтики. А ты представь, что байки про 305-й правдой оказались. Веселее бы стало – с упырями? Нет, я без нежити обойтись готов, оно спокойнее будет. Только вот картина эта научная какая-то не шибко ясная. То с одного края подтекает, то с другого. Никак товарищи ученые разобраться не могут.

На этот раз белый офицер был с ним полностью согласен.

* * *

В семье поручика действительно не жаловали мистику. Если мать еще допускала, пусть только в теории, существование Верховного Существа и неведомых человеку «тонких» миров, то материализм отца был строг, как железнодорожное расписание. Даже если дети болели, инженер-путеец не молился и не ставил в церкви свечи «за здравие». Когда старший уходил добровольцем на германский фронт, и мать, прощаясь, перекрестила сына, непримиримый материалист отвернулся. Тем невероятнее было то, что случилось дальше. Отец отозвал будущего поручика в сторону и ровным, без тени эмоций, голосом поинтересовался, не помещает ли ему в дороге одна небольшая вещь. Совсем маленькая, пустяковая.

Иконка.

Предваряя недоумение сына, инженер тем же безразличным тоном рассказал, что двадцать лет назад его мать, женщина религиозная и очень суеверная, умирая, строго наказала, чтобы иконку взял с собой первый из семьи, кто уйдет на войну. Не выполнить эту, пусть и не слишком разумную, просьбу он не может, поэтому если сын не возражает... Тут сдержанность изменила отцу, и он весьма кислым тоном добавил, что иконка-то неортодоксальная, не по Стоглаву, можно сказать, сомнительная. Такие изображения Русская православная церковь не слишком приветствует.

Подарок покойной бабушки свежеиспеченный «прапор» догадался рассмотреть только через пару месяцев, под Луцком, в коротком перерыве между атаками. Иконка оказалась маленькой и темной, понять же, что на ней изображено, было весьма мудрено. Чей-то старческий лик в высокой короне, воздетые в сторону руки, вокруг же то ли стены храма, то ли пещера. Не Творец, не Святой, не мученик.

Помогли солдаты – деревенские парни, еще не забывшие, что им рассказывали в детстве, на уроках в приходской школе. Да, не Творец и не Святой. Отец оказался прав, такие иконы редко помещали в церкви. Деревенские батюшки весьма смущались, когда излишне любопытные прихожане интересовались «тем, кто в пещере». Даже имя его было странным, каким-то незнакомым, чужим.

Царь-Космос.

4

Под вечер мороз вернулся. Зима брала реванш, наползая на замершую в огне редких фонарей Столицу. Тонкий лед вновь покрыл грязные лужи, мокрые венки возле Обелиска словно оделись камнем, мороз искорежил плакат, разорвал – и отдал на растерзание налетевшему ветру. Помочь было некому, Александровский сад опустел. Холодная безвидная ночь навалилась на город.

Поручик возвращался со службы через Манежную площадь. Общежитие, где он временно остановился, было не очень далеко, и он надеялся всеконечно не замерзнуть. Улицы обезлюдели, редкие прохожие жались к подъездам, и он искренне удивился, когда дорогу загородил милицейский патруль.

– Ваши документы, гражданин!

Появился повод в очередной раз искушить Судьбу, а заодно проверить новенькое удостоверение на плотной восковой бумаге с грозным грифом Центрального комитета. Документ служивые читали долго, подсвечивая фонариками, и негромко переговариваясь. Поручик мерз и одновременно пытался понять, что здесь не так. Не с документами, они были в полном порядке, – с милиционерами. И только получив удостоверение обратно и попрощавшись, бывший офицер понял. Фонарики подсветили не только машинописные строчки на восковой бумаге, но и желтый кант по краям ребер зимних милицейских шапок. Желтый – и это было очень странно. Совсем недавно он, скуки ради, перечитал статью в «Известиях», где подробно описывалась новая милицейская форма, введенная, два месяца назад, в январе. «Шапка типа пилотки с прямым козырьком из черной кожи, дно полуовальной формы, посередине вогнутой, образующей два ребра...»

У краскома тоже проверили документы – прямо у памятника великому бунтарю Степану Разину, установленному на Лобном месте. Удостоверение изучали долго, и бывший ротный мог вволю налюбоваться ажурным павильоном, обтянутым тяжелой темной тканью. От скуки командир принялся разбирать надпись на монументе, что оказалось не слишком удобно в темноте. Когда он дошел до слов «Держитесь крепче за правду красную, будет скоро желанный день», документы ему вернули и пожелали счастливого пути.

На цвет канта внимания он не обратил.

Глава 2. Местная командировка

1

– Начнем с вопросов, – товарищ Ким улыбнулся и отхлебнул из дымящейся кружки. – Думаю, они у вас уже появились.

Поручик и его большевистский коллега переглянулись. Вопросы, конечно, имелись, но стоит ли проявлять инициативу, которая, как известно, строго наказуема? Пусть уж начальство выскажется. Ему это больше по чину.

Начальство выждало должное время, вновь отхлебнуло пахнущий мятой чай.

– Вот вы, товарищ!

Острый взгляд ярких синих глаз скользнул по бывшему командиру РККА. Деваться было некуда. Тот нехотя поднялся, привычно развернул плечи.

– Вопрос один, товарищ Ким. Задачи Техгруппы и все, с эти делом связанное.

Сидевший рядом поручик одобрительно кивнул. Давно пора!

Начальство появилось внезапно, причем без всякой торжественности. Где-то около полудня в дверь постучали, и на пороге возник знакомый сотрудник из Орграспредотдела. Поглядел внимательно, довольно хмыкнул:

– Тут они, товарищ Ким. Оба!

Потом сделал строгое лицо, подмигнул:

– Встречайте начальство!

Исчез. В комнату входило начальство – не слишком высокого роста, широкоплечее, с неожиданным для холодной Столицы «вечным» южным загаром. Густая проседь на висках, легкомысленная «шкиперская» бородка, серый пиджак поверх полотняной рубахи с косым воротом. Сколько лет, не поймешь: если судить по седине, то за сорок, по глазам – еле за двадцать. Вид сугубо штатский, цивильный, но кобура на месте, пиджак оттопыривает.

– Курите, товарищи?

Из кармана появилась большая темная трубка. Взгляд пробежался по комнате, зафиксировал дымящийся чайник на подоконнике.

– Понял. Ограничимся чаем. Ну, давайте знакомиться!

* * *

Красный командир был несколько разочарован. Начальник – настоящий, столбовой, не должен забегать к подчиненным, дабы представиться и выпить чаю с мятой. Его дело восседать в огромном кабинете за столом-надгробием, сурово сдвигать брови к переносице и ставить провинившихся по стойке «смирно». Чай же приносит вышколенный порученец непременно на подносе с серебряными подстаканниками. «Извольте выкушать, ваше превосходительство!» Дело, конечно, не в титуловании. Советский ли барин, царский – велика ли разница? Вон, товарищ Сталин, всем хорош, всем помогает, дурного слова не услышишь – ни о нем, ни от него. А все равно: кабинет, холуйки в приемной, подстаканники серебряные.

А уж спрашивать, курят ли подчиненные, а после прятать трубку в карман – вообще гнилой либерализм. Этак до анархии-матери порядка рукой подать. Нет, не тот начальник, не тот!..

О начальстве он имел самое скверное мнение с детства. Не просто недолюбливал – на дух не выносил и за людей не считал. Всякое – от мордатого городского, гонявшего мальчишек

на улицах, до дирекции завода, постоянной грозившей отцу увольнением. Тот был заслуженным «эсдеком», неоднократно попадавшим под арест и успевшим в молодые годы побывать в сибирской ссылке. До увольнения все же не доходило – заводу не хотелось лишаться хорошего инженера. Однако неприятностей хватало без того, и старший из трех сыновей быстро усвоил, что виной всему – именно оно, начальство. Как выразился приятель-гимназист из подпольного революционного кружка: «обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй». В 1916-м последовал первый арест, и юный смутьян сразу понял, что такое загадочное «лайяй», сдобренное густым мордобоем. В тот же год он вступил в РСДРП(б), в которой уже много лет состоял отец.

Мечтой новообращенного большевика стала не столько победа коммунизма в мировом масштабе, сколько возможность ворваться в кабинет к самому-самому начальству, вытащить оное из-за стола-надгробия, посмеяться прямо в выпущенные от гнева рачьи глаза и... Дальнейшее зависело от настроения. В самом щадящем варианте можно было ограничиться выливанием чая (который в серебряных подстаканниках) прямо на начальственную главу. Пусть тогда лайяйет, сколько влезет!

Летом 1917-го молодой партиец записался в Красную гвардию. Времена наступили правильные. «Обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй» попряталось и разбежалось, пришел час народного самоуправления строго по учению Карла Маркса. Красная гвардия принялась наводить порядок в заводском районе. Сын инженера-«эсдека» сумел даже подключить к этому нужному делу знакомых скаутов, надевших, как и он сам, красные революционные галстуки.

Через два года у командира, к тому времени уже вволю хлебнувшего войны, вышел спор с одним из военспецов. Бывший капитан Императорской армии, ныне начштаба полка, весьма одобрительно высказался о линии Предвоенсовета товарища Троцкого на создание регулярной армии. Красная гвардия, к тому времени давно распущенная, была помянута с явным неодобрением и даже титулована «вертепом разбойников».

Красный командир обиделся всерьез. Разбойниками они не были. Напротив, первым делом отряд разогнал местных сявок, обнаглевших после Февраля. Дисциплина была железная, но сознательная – командиров выбирали. В феврале 1918-го отряд добровольно отправился на фронт и почти в полном составе poleg под Псковом, пытаясь не пустить германцев к революционному Петрограду. Краском знал, что отряды бывали разные, кое-где дело действительно доходило до разбоя, но Красная гвардия только начинала строиться, издержки и ошибки в таком деле извинительны и неизбежны. Еще бы несколько месяцев, еще лучше – год...

Когда в РККА стали призывать военспецов и отменили выборность комсостава, молодой командир крепко задумался. «Начальство» возвращалась, из-за спин краскомов и военкомов вновь выглянуло знакомое «обло, озорно, огромно, стозевно». И если бы на пользу делу! Зимой и весной 1919-го отряды красных добровольцев без всякой помощи мудрых «специалистов» легко, малой кровью, освободили Украину и Таврию, дойдя до румынской границы. Летом же отряды переформировали в полки, назначили «начальников», завели «чрезвычайки» – и через месяц оказались в глубоком тылу врага. Казалось, сам Красный Дух Революции отвернулся от оппортунистов. Ходили и вовсе скверные слухи о том, что по приказу Троцкого расстрелян комполка Антон Богунский, врагами объявлены комбриг Махно и комдив Григорьев. Кто же тогда друзья? Бывшие полковники и генералы, окопавшиеся в штабах? Таких, как железный адмирал Немитц, были единицы, все прочие – обычное офицерье, только без погон.

...Штурм Умани оказался удачен – однако не для всех. Город взяли, но два полка были отрезаны и окружены дивизией «черных запорожцев» – лучшими войсками Петлюры. Из кольца вырвалось всего несколько сот. Свои были далеко, Иона Якир повел войска Южной группы дальше, на Киев. Путь на север оказался закрыт намертво. Оставалось одно – пробиваться обратно на юг, где по слухам еще сражались части красного комбрига Нестора Махно...

* * *

Итак, начальство оказалось явно не в кондиции. С одной стороны, плохо, вроде как неполадок. С другой – появилась надежда, что и в Центральном Комитете не все так скверно.

Поручик воспринял товарища Кима философски. Что тот командир, что этот, не все ли равно? Большевиков он успел навидаться, и на общем фоне загорелый «цекист» смотрелся вполне прилично. На двух ногах ходит, слово «думаю» употребляет...

– С документами по радио товарищ Каннер, конечно, перемудрил, – подытожил начальник. – Каялся уже, мол, бдительность вашу хотел проверить. Хотел, конечно, да не он. Имейте в виду, товарищи, присматриваться к вам станут очень внимательно. Не потому, что вы какие-то особые, а потому что Центральный Комитет слезам не верит. Ничему иному – тоже.

Семен Тулак и Виктор Вырыпаев вновь переглянулись. Что будут проверять, знали оба. Но что их личностями сразу заинтересовался сам генсек товарищ Сталин, все-таки удивило. Невелики они птицы, как ни погляди. Или дело не в них лично а во все той же Техгруппе?

– Задача ваша проста и конкретна. Из Научпромотдела вы будете получать указания – от меня или от того, кто меня заменяет. Поехать, найти, опросить, доставить. Техническая работа, что и следует из названия. Всякие мелкие дела, «вермишель», вы обязаны просмотреть и рассортировать. Если возникнет неясность, верните документ в отдел, если покажется важным – тоже. Что-нибудь интересное было?

– Водяные люди, – не без удовольствия сообщил цыганистый, – партизаны глубокого омута. Товарищ Вырыпаев ими все утро занимался.

– Правда? – ничуть не удивился товарищ Ким. – И как успехи?

Батальонный показал Семену кулак и медленно встал. Водяные люди! Хорошо еще, не кабиасы!..

– Товарищ Ким! В письме пересказывается история, который автор слышал год назад от...

– Не надо подробностей, – усмехнулся владелец «шкиперской» бородки. – Уже читал. Архангельская губерния, село Емецкий Березняк. Местные жители не платили подати и прятались от станового прямо возле пристани на глубине трех саженей.

Вырыпаев кивнул.

– Так точно. Причем заранее обвязывались веревками, чтобы труднее было извлечь на свет божий... Нет в Архангельской губернии села Емецкий Березняк. Есть Емецк и есть Двинский Березник, это недалеко от Шенкурска. Речек там несколько, но если бы там кто-то прятался, это бы уже все знали. Двинский Березник – большое село, стоит на дороге, там земская больница...

– Достаточно! – с самым серьезным видом констатировал товарищ Ким. – Ваши предложения?

Вырыпаев замялся. Первое, что приходило в голову – отыскать автора, связать веревкой и отправить на глубину в три сажени.

– Передать письмо товарищу Каннеру, – предложил бывший ротный. – Пусть пришлет в Шенкурск проверку на предмет учета редких природных явлений. Водолазов там они не найдут, зато народ встряхнут, чтоб не дремал. Потом – закрытое письмо ЦК по парторганизациям, может даже, постановление. «О некоторых недостатках парторботы...»

– Вы серьезно, товарищ Тулак? – удивился начальник. – Метод, кстати, не новый. В Англии во времена королевы Елизаветы решили встряхнуть, если говорить по-вашему, эскадру адмирала Рейли, а заодно и до него самого добраться. А поскольку претензий к боевой подготовке не было, отправили комиссию по поиску колдунов. Но, может, пожалеем товарищей из Шенкурска? Кстати, можно мне еще кружку чаю? Где это вы такую мяту достаете?

– На Тишинском, – не без гордости отпартовал ротный. – Нашел там бабу-травницу. У нее, товарищ Ким, еще много чего на предмет здоровья имеется. Полезная гражданка! Только ее там сязки местные обижают.

Пока краском наливал начальству чай, поручик вид, что любит пустой брусчаткой за окном и думал о том, что их начальник ох как непрост. Дурацкая история с «водолазами» – наверняка тоже проверка. Кроме того, казус с адмиральской эскадрой в реальности выглядел несколько иначе. Рейли сам изобличил «колдуна» – правительственного шпиона и с удовольствием его повесил. Перепутал товарищ Ким? Или знал, но сознательно переименовал ради пущей убедительности? В любом случае интересно. Член Центрального Комитета РКП(б), разбирающийся в реалиях Елизаветинской эпохи, причем не Луначарский...

Как его только в этом «цека» терпят?

– И еще, товарищи. Прошу внимания...

Голос начальника прозвучал негромко, но оба, белогвардеец и красный командир, почему-то, не сговариваясь, встали. Товарищ Ким уже не улыбался, глаза блеснули неожиданным светлым огнем.

– В нашей работе будет всякое. Помните, что вы не чиновники, не клерки, не души бумажные, а бойцы Партии. Научно-технический фронт – сейчас один из важнейших для СССР. Здесь не бывает мелочей.

Слова падали тяжело и мерно, словно капли ледяного дождя.

– Вам придется разгребать горы ерунды, читать записки сумасшедших, сталкиваться с безграмотным бредом. Но не пропустите важное! Иногда мелкая деталь, штришок, легкий намек могут вывести на огромное дело. И еще – ищите странное, непонятное, нелогичное. Это касается не только вашей работы, но всего того, что вокруг. Случайностей не бывает, учтите – особенно в нашем деле. Если что, сразу обращайтесь ко мне. Немедленно! Если меня не будет на месте, идите прямо в секретариат товарища Сталина, там вас выслушают. Но помните, больше никто о наших делах знать не должен. Никто – и ни при каких обстоятельствах!.. Товарищи, я же не просил стоять по стойке «смирно». Сядьте, прошу вас.

Последние слова как будто сняли заклятие. Молодые люди не без смущения переглянулись. И вправду! Не только по стойке «смирно» – правая рука ротного сама собой покинула карман и оказалась прижата к телу. Странно, начальник Ким даже не повышал голоса.

Садиться, впрочем, не стали.

– Товарищ Ким! – первым заговорил краском. – Что делать, если к нам обратятся другие члены ЦК и ЦКК?

Тот кивнул, одобряя вопрос.

– Обращаться будут. Документы от них принимайте, просьбы фиксируйте, но никакой информации без моего ведома не предоставляйте. Никакой!.. Слово «информация» вам понятно?

– Вполне, – усмехнулся поручик. – А генеральному секретарю – можно?

– Товарищу Сталину – да, но после обязательно доложите мне, как ответственному за группу. Что касается работников Центральной контрольной комиссии, то их без разговоров отсылать к руководству, то есть опять-таки ко мне. Имейте в виду, там есть очень настойчивый товарищ. Его фамилия Лунин. Лунин Николай Андреевич. С ним – никаких бесед, даже о погоде.

Вырыпаев и Семен Тулак вновь переглянулись.

– Он – не враг и не уклонист, – понял товарищ Ким. – Лунин – надежный партиец, в прошлом комиссар дивизии, очень смелый и честный человек. Но, скажем так, несколько предвзят.

К чему или к кому именно, уточнено не было.

– Да садитесь же!

На этот раз пришлось подчиниться. Начальник тоже присел, причем прямо на подоконник, рядом с чайником. В его руке вновь появилась черная трубка. Товарищ Ким прикусил мундштук, на миг прикрыл глаза, улыбнулся.

– Все! Все следующий раз будем беседовать у меня в кабинете, там курить можно. В командировке удалось достать «Autumn Evening», табак с ароматом кленового сиропа. Хорошо поставленная контрабанда порой творит чудеса... Да, товарищи, вы спрашивайте, не стесняйтесь. Или расскажите, если есть что.

Лед исчез, сгинул холод. Остался улыбчивый немолодой человек, желающий просто поболтать. Разве что взгляд погас не сразу, слишком силен был светлый огонь.

– Лунин – это не тот, который был на Польском фронте? – вспомнил красный командир. – Комиссар Стальной дивизии имени Баварского пролетариата?

– Тот самый, – кивнула трубка. – Ланселот Центральной Контрольной комиссии.

Белогвардеец мысленно отметил «Ланселота», немного подумал и решился.

– Вы говорили о мелочах, товарищ Ким. И о том, что случайностей не бывает... Вчера поздно вечером у меня проверили документы – на Манежной. Милицейский патруль в новой форме – той, что введена в январе...

– Так и у меня тоже проверили, – перебил командир РККА. – И тоже в новой форме.

– А теперь – странность. Пешей милиции положен зеленый кант, а у этих был желтый, как у конной, по крайней мере, на шапках. Лошадей с ними не было. Либо тут все-таки случайность – из тех, что иногда бывают...

– Либо с вами хотели познакомиться, – подхватил товарищ Ким. – С обоими сразу. Голос услышать, лица разглядеть, оценить реакцию. Но – спешили и слегка напутали с формой.

– Шпионы, что ли? – хмыкнул красный командир. – Или бандюганы с Хитровки?

– А можно не отвечать?

Любитель хорошего трубочного табака наивно, совсем по-детски улыбнулся.

– Так что, нас уже пасти начали? – не выдержал командир РККА. – Да они же права не имеют!

Поручик, отметивший в их первую встречу странную для большевика нелюбовь к людям в черной коже, был совершенно прав. Краском относился к чекистам немногим лучше, чем к врагу детства, мордатому городовому.

– Вы о бандюганах с Хитровки? – улыбка товарищ Кима теперь больше напоминала брезгливую гримасу. – Не имеют. Более того, им строжайше запрещено вмешиваться в работу ЦК и заводить дела на работников нашей номенклатуры без соответствующей санкции. Но они все равно интересуются. Сами же говорят – бандюганы. Между прочим, недавно попытались арестовать сотрудника аппарата товарища Сталина. Если что, посылайте их подальше, можно по-матросски, в семь этажей. А еще лучше – молчите. На вопросы не отвечайте, на провокации не поддавайтесь. Ясно?

«Ого!» – только и подумал поручик, постаравшись не дрогнуть лицом. То, что партийцы не слишком любят красных жандармом, он догадывался, но здесь слово «любят» вообще было лишним. Этак и за револьверы могут взяться.

Три года назад эта мысль изрядна бы порадовала. Стреляйтесь, «краснюки», патронов не жалейте! Но теперь, когда война позади, а он, не захотев умирать и уезжать, надел «красную» кожу, имело ли смысл влезать в кровавые комиссарские разборки? Может, зря он соблазнился Столицей? Поближе бы к кухне, подальше от начальства...

Или его война еще не кончена?

2

Очнувшись в госпитале на пропахших карболкой нарах, поручик не спешил открывать глаза. Он у врагов, это ясно. Но кто он для них? Пленный «беляк», которого просто поленились дострелить – или израненный «товарищ»? Чужая гимнастерка, чужие документы, чужая шинель с красными нашивками... Погибшего краскома наверняка знали в лицо, первый же разговор с кем-то из «сослуживцев» – и законная «стенка» обеспечена.

Умирать не хотелось, в большевистскую тюрьму – тоже. Если рана не слишком серьезна, можно попытаться бежать. Перекоп совсем близко, укрепления не должны были бросить, сейчас там идет бой...

Когда рядом послышался женский голос – сестра милосердия о чем-то спорила с его соседом. Поручик решил поступить подобно герою авантурных романов. Беспамятный рыцарь попал в неведомый замок, вокруг злобные сарадины...

– Сестричка! – простонал он. – Сестра!..

Убедившись, что услышан, офицер резко открыл глаза.

– Н-не помню! Нет... Кто я?! Сестра, помогите вспомнить. Кто?!

В зрачки ударил резкий свет карбидной лампы. Вместо женского лица – неровное белое пятно.

– Та нэ хвылютэсь вы, товаришу Еремеев. Свий вы – и серэд своих. Вы ж з 30-й Иркутской? А мы ваши сусиды ваши, 11 кавдивизия. Вы у командырському шпытали, в хирургичний...

Глаза можно было закрыть. Удалось, точнее, просто повезло. «Сусиды» не стали особенно интересоваться личностью «товарища Еремеева». Вот и славно. Теперь бы встать поскорее!

Не вышло – исчерпал поручик свой запас удачи. Рана оказалась скверной, к тому же проснулась старая контузия, вцепилась, затопила болью. Сесть он смог только через неделю, а еще через несколько дней, когда поручик уже пытался вставать, пришло известия о падении Крыма. Бежать стало некуда.

По документам он оказался взводным, если понижение в чине, то небольшое. Но рассчитывать и дальше на доверчивость «сусидив» не имело смысла. Даже если не станут придирааться и выпишут, выдав справку с фиолетовой госпитальной печатью, куда ему идти, куда ехать? Не в 30-ю же Иркутскую дивизию к тамошним фронтовым чекистам, не ночи будь помянуты!

Впрочем, помянутые не стали ждать ночи. Как-то среди белого дня они с шумом и грохотом ввалились в госпиталь, проследовав напрямик в канцелярию. Как выяснилось, тамошние писаря чем-то крупно нагрели, но не на неблагодарной ниве контрреволюции, а по более выгодной хозяйственной линии. Личный канцелярский состав погрузили в заранее пригнанные подводы, начальнику госпиталя сделали сердечный укол, а главный чекист, великан в тяжелом кожаном пальто, плюнул в пол, громогласно констатировав: «Развели ворье, понимаешь!»

Можно было перевести дух и покрепче сжать в ладони серебряную бабушкину иконку. Выручил Царь-Космос, не подвел! Но ведь могут прийти и завтра?

«Разведчик весел и никогда не падает духом». На следующий день красный командир Еремеев добровольно вызвался поработать в канцелярии весь срок, оставшийся до выписки. А поскольку товарищи в черной коже не только увели людей, но и унесли часть документации, оставив после себя истинно революционный беспорядок, писарю-добровольцу представилась редкая возможность – воссоздать из Хаоса Космос, частью которого должна была стать его новая биография.

Серебряный лик с иконки смотрел сурово и мрачно. «Разведчик честен и правдив». Скаут не станет подделывать и воровать документы, русский офицер не побоится взглянуть

в черный зрачок вражеской винтовки. Недаром лучших из лучших называли: «Те, кто умеют красиво умирать».

Но поручик давно уже не был прежним. Что красивого в смерти? Что за радость быть расстрелянным у ближайшего плетня, сгинуть без толку, без пользы? Романтика смерти – она для самоубийц, чтобы победить, требуется вначале выжить.

К выписке красный командир Еремеев подготовился основательно. Два комплекта документов – и оба почти настоящие. Печати, бланки, фотографии, даже всякая полезная мелочь вроде кружки с личным вензелем. Поручик не стал красть чужие жизни, он выдумал их заново, составив из обрывков разных судеб. Нет, он не создавал Космос, на такое сил не хватило. Работа больше походила на занятие безумного врача, шивавшего новое тело из расчлененных трупов. Красные мертвецы щедро делились с «беляком». Впрочем, не только мертвые. Поручик внимательно приглядывался к своим соседям, пытался копировать чужую речь, жесты, улыбку, смех. Тонкая искусственная кожа постепенно становилась прочнее, твердела, прирастала к мясу.

Доктор Франкенштейн сотворил своего Монстра. Мертвое тело дрогнуло, разлепило тяжелые веки, отверзло очи, радостно ощерилось, радуясь дарованной жизни.

Франкенштейн улыбнулся собственному творению и пожелал Монстру удачи.

– Будь готов!

– Всегда готов!

* * *

– Рисурс, – задумчиво проговорил Виктор Вырыпаев, откладывая в сторону желтоватый лист бумаги, изукрашенный крупными, словно майские жуки, печатными литерами. Немного подумал и повторил, на этот раз по слогам:

– Ри-сурс.

Семен Тулак, в этот момент священнодействовавший около дымящегося чайника, недоуменно поднял голову:

– «Ри»? А я думал...

– Я тоже, – не без грусти согласился батальонный. – Но, как говорится, век живи, век учись. «Рисурс», причем непременно с прописной. На одной странице шесть раз. Нет, семь.

– А-а! Трудящиеся пишут? Читай, читай, гимназист!

Чай на этот раз решили заварить обычный, зато очень качественный, британского развеса, купленный все на том же Тишинском рынке. Как верно заметило начальство, хорошо поставленная контрабанда и вправду творит чудеса. К чаю прилагалось хрустящее «нэпмановское» печенье «Австр», купленное Виктором в ближайшем магазине на Тверской. Жестяная коробка была подозрительного фиолетового колеру, по которому вольно расположились легкомысленные силуэты крылатых девиц в белых одеяниях, напоминающих больничную простыню.

– Прочитал, – Вырыпаев отложил письмо в сторону. – Как ты говоришь, аж два раза. Рисурс...

Утро началось с «вермишели». Ротный сбегал в секретариат Научно-Промышленного отдела и вернулся с целой кипой писем. В одной руке унести не удалось, и ему в помощь придали наглого вида девицу с погасшей папиросой в зубах. Та свалила бумаги на стол, пояснив, что в ближайшее время писать станут еще больше. Три дня назад в «Правде» была напечатана статья, призывавшая всех партийцев к овладению техникой, а также к изысканию «научных резервов» на благо восстановления народного хозяйства СССР.

Изыскания определенно шли полным ходом.

В первой же стопке отыскиались два проекта вечного двигателя, причем один – на основе использования «фактора суточного вращения Земли». Вырыпаев вначале посмеивался, но затем заметно скис. Семен, напротив, был в прекрасном настроении.

– Чего начальство сказал? «Не пропустите важное!», – наставительно заметил он, накрывая заварочный чайник белым вафельным полотенцем. – Народ партийный нам самое ценное доверил – свою мысль. Даже больше скажу – мечту! Так что ты, товарищ, пессимизм интеллигентский не разводи. «Разведчик трудолюбив и настойчив». Не забыл?

Батальонный вяло кивнул.

– Так точно. Знаешь, когда я оформлял документы на демобилизацию, умные люди отговаривали. С одним глазом особо не повоюешь, но должность орденоносцу подобрали бы. Я не захотел. Вроде как из милости служить – нет, не по мне. А эти умные пальцем у виска крутят: бумажки в конторе перебирать хочешь? Входящие, исходящие, пресс-папье налево, чернильница – направо. Ты, мол, с восемнадцати лет в окопах, к огню и крови привык, не выдержишь, спишишь. Я не поверил, думал, стерпится-слюбится.

– Не киксуй! Айда чай пить.

Коробка с девицами в белых простынях была раскурочена, и красный командир с явным удовольствием сгрыз целых три печенья.

– Ничего, – рассудил он. – Умеют, недобитые. Хоть какая польза от этого НЭПа! Но, знаешь, обидно все-таки. Мы ведь в 20-м, когда деньги отменили и трудармии организовали, коммунизм уже, считай, построили. Если с домом сравнивать, то и стены имелись, и окна с дверями, и крыша. Только бы и жить! А мы, выходит, за печенье мечту всего человечества продали? Как этот, который в Библии, за похлебку.

– Исав, товарищ библеист.

Поручик надломил печенье, сжевал кусочек, запил чаем, прислушался к ощущениям.

– Ничего, хотя, как мне кажется, все-таки с машинным маслом... Стены как раз имелись. И окна, и двери, и даже комендантская команда. Только о фундаменте забыли.

– И ты тоже!

Краском отставил кружку, отвернулся, дернул плечом:

– Знаешь, сколько хороших ребят из партии вышло? Не захотели «совбурам» кланяться, мечту свою на печенье да на бабские контрабандные шмотки разменивать. А я тебе скажу, не в фундаменте дело. Был фундамент! Мы его на крови три года замешивали. Просто Кое-кто Кронштадта испугался, представил, как его матросики на штыки поднимать станут. Всю войну в Главной Крепости просидел, на фронт даже не заглянул ни разу. Пусть Троцкий да Сталин под пули подставляются! Из-за каких-то пьяных матросов велел бить отбой, считай, белый флаг поднял. Трус Он, я тебе скажу. Почему на X съезде фракции запретили? От смелости великой, понятно. А вдруг партийцы не за Ним, единственным, пойдут?

Все это красный командир проговорил негромко, почти шепотом, по-прежнему глядя в сторону. Поручик, впрочем, услышал.

– Ты Его не ругай, – так же негромко ответил он. – Раньше надо было. Не проголосовали на X съезде за Троцкого? Запрет фракций одобрили? Так кто в итоге трус? Сейчас Он только фельдшерам интересен. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов!

Последние слова не предназначались собеседнику. Офицер лишь шевельнул губами, повторяя фразу из Писания.

Мертвые хоронят своих мертвецов...

То, что с Вождем неладно, пока еще скрывалось, но в Столице, давно научившейся читать между газетных строк, уже начали строить догадки. Официальным сообщениям о «легком недомогании» не верили напрочь. Партийцы знали куда больше. Вождь не появился в декабре, когда создавали СССР, промолчал в январе, в самый разгар очередной дискуссии. Значит,

не просто рядовая хворь. Все чаще, пока еще в личных разговорах, вполголоса, обсуждался неизбежный вопрос: что дальше.

КТО дальше?

Говорили и другое. По всей Столице из уст в уста переходил лихой стишок, напечатанный в далеком Владивостоке еще в прошлом году, при последнем белом правительстве:

Я твердо знаю, что мы у цели,
Что неизменны судеб законы,
Что якобинцы друг друга съели,
Как скорпионы.

Безумный Вождь наш болезнью свален,
Из жизни выбыл, ушел из круга.
Бухарин, Троцкий, Зиновьев, Сталин,
Вали друг друга!

Неведомый пиит, укрывшийся под псевдонимом «Лоло»³, попал в «десятку»: красные скорпионы уже изготовились для смертельной драки. Однако самые умные и проницательные обращали внимание на первую строчку. «Мы у цели». «Мы» – кто именно? Бессильные эмигранты, рассеявшиеся по Китаю и Франции, или кто-то поближе?

* * *

Так что там с «рисурсом»? – самым светским тоном поинтересовался Семен, допивая чай.

– Ри... – батальонный чуть не подавился. – Нашел о чем спрашивать! Николай Васильевич Гоголь, «Записки сумасшедшего».

Бывший ротный покачал головой.

– Не иди легким путем, гимназист! «Ищите странное, непонятное, нелогичное», как и велел нам товарищ Ким.

Вырыпаев, едва сдержав стон, поставил недопитую кружку на подоконник и направился к столу. Зашелестела бумага.

– Нелогичное, значит? Это сколько угодно.

Письмо оказалось объемистым, на четырех листах. Неровные печатные буквы напоминали пехотную цепь, бредущую в пятую за день атаку. Неудивительно, ибо писавший, помощник истопника Музея изящных искусств (бывшего «имени Александра III»), оказался фронтовиком-инвалидом. Он устроился на службу недавно, причем в очень горячее, несмотря на зимние месяцы, время. Вместо старого Цветаевского собрания (зачем пролетариату «изящные искусства»?) в ближайшее время должен был открыться Музей старой западной живописи. Постоянно прибывали новые коллекции, а с ними и сотрудники. В начале года в музее появился очередной новичок – заведующий одного из фондов, причем не сам, а с собранием раритетов из Румянцевского музея.

– Иг-на-ти-шин Георгий Васильевич, – не без труда прочел вслух батальонный. – Ну и почерк... Беспартийный, из бывших, по непроверенным данным в 1919 году арестовывался ВЧК по делу Национального центра.

– Так и сказано – «по непроверенным»? – наивно моргнул Семен.

³ Лоло» – Леонид Григорьевич Мунштейн, поэт, эмигрант. Стихи из поэмы «О черте лысом и всех его присных».

– Этой мною сказано, в письме куда эмоциональнее. В общем, эти двое, автор и тот, что из бывших, сошлись на почве совместного распития чая. Вроде как мы с тобой. И, как здесь написано, «в процессе многократного чаепития»...

«В процессе многократного чаепития» Георгий Васильевич Игнатишин поведал помощнику истопника, что благодаря знакомству с рукописями, хранящимися среди прочих раритетов в его фонде, он теперь знает, как добраться до некоего таинственного «рисурса», значительно более мощного, чем ныне действующая Волховская и строящаяся Шатурская электрические станции вместе взятые. «Рисурс» имел название, но автор таковое запомнил неточно. «Агата» – или даже «Агатка».

– Мадмуазель Агата Рисурс, – резюмировал Вырыпаев. – А поскольку, несмотря на все уговоры, несознательный гражданин Игнатишин не захотел познакомить с этой многообещающей девушкой представителей соввласти, товарищ помощник истопника решил сигнализировать. В райкоме его завернули, вот он и отписал прямым к нам.

– А почему в Научпромотдел? – не понял ротный. – Это уж скорее в ГПУ. Хотя не стоит, жалко гражданина Игнатишина.

Виктор согласно кивнул.

– В этой конторе он признается не только в знакомстве с помянутой Агатой, но и в том, что он лично искусил прародительницу Еву и устроил Всемирный потоп... На конверте есть приписка: «Энергетический и прочий рисурс». В канцелярии наверняка долго думали, а потом решили нас осчастливить. И что с этим делать? Как я понял, товарищ помощник истопника – человек настойчивый. Не ответим, отпишет на Лубянку.

– Как пить дать, – чуть подумав, согласился бывший ротный. – А то и сам туда пойдет – с гражданином Игнатишиным на веревке. А нам поставят скипидарный клистир с патефонными иглами за утерю бдительности...

– ...И бюрократическое отношения к письмам партийцев. Только что ему ответить? Чтобы съездил на Канатчиковую дачу? А если... Товарищ Тулак, у меня, кажется, идея.

Вырыпаев прошелся взад вперед по комнате, поглядел в окно, прищелкнул пальцами.

– Точно! Слушайте, товарищ, боевой приказ. Пункт первый: сведения о противнике. Бывший музей имени Александра III находится в двадцати минутах неспешной ходьбы. Погода хорошая, с утра светит солнце, температура – не менее + 15 по Цельсию. Пункт второй: наша задача. Следует быстро и эффективно отреагировать...

– Отставить! – мотнул головой Семен, берясь за черную телефонную трубку. – Вопрос ясен, обсуждение отменяется. Только сначала надо оформить местную командировку, чтоб не подумали, будто мы в прогул ударились. Мне бы наглости побольше, я бы авто из цекистского гаража вытребовал!

Машина не понадобилась. Погода и в самом деле была отменной, и прогулка до Цветаевского музея доставила молодым людям истинное удовольствие. По пути был разработан подробный план действий. С бдительного помощника истопника решили взять подписку о неразглашении и строго запретить самостоятельно заниматься «Рисурсом», отныне переданным в ведение Научпромотдела Центрального Комитета.

Не успокоится – пригрозить парткомиссией и выговором с занесением.

С несознательным Игнатишиным следовало также поговорить, причем пожестче. Пусть впредь думает, с кем чай гонять и сомнительные речи вести! И заодно разъяснить таинственную мадемуазель Агату. Кто да что, а если помянутая женского полу, то и адресок прихватить. Вдруг сгодится?

На этой версии настаивал Семен Тулак. По его мнению, все было просто. Первое – не чай они пили, знаем мы этих истопников! Второе и главное: недобитый интеллигент Игнатишин попытался описать знойный темперамент своей знакомой, а бдительный инвалид под воздействием того, что пили, все понял превратно.

Как две электрические станции разом! Что ни говори, «Рисурс»!..

Батальонный не спорил, но и не соглашался, отговариваясь тем, что при недостатке данных следует воздержаться от суждения. Иначе будешь ничем не умнее товарища помощника истопника.

Красный командир охотно болтал о всякой ерунде, помня, что именно в этих случаях собеседник расслабляется, и даже самая удачная маска начинает отставать от кожи. Не то, чтобы не верил своему новому сослуживцу – напротив, тот ему очень нравился. Духом не падает, хоть и, считай, калека, рубаху на груди не рвет, подвигами меряясь, башковитый, «соображалка» не месте.

Не курит.

Присматривался же больше по привычке. Если бы они оба устроились, допустим, истопниками, то и опаски было меньше. Но Центральный Комитет – не кочегарка. Вызвали, скажем, раба божьего в «кожаное» ведомство, бухнули на стол папку с «матерьялом» и попросили со всей убедительностью: «Освещай!» А про кого он напишет в первую голову? Ясное дело, про тех, кто рядом.

Лишнего в разговоре краском себе не позволял. Ученый! Но мало ли какие подходы имеются? На месте товарищей в черной коже он бы собственное «дело» не закрыл, в архив бы не отправил. Вызвал бы самого себя повесткой, чайком напоил, а после бы и врезал про август 1919-го. А скажи, мол, товарищ дорогой, где ты пребывал, пока Южная группа кровью себе коридор к Киеву пробивала?

* * *

...С ближайшей тачанки ударила пулеметная очередь. Били в белый свет, не для смерти пока – ради разговора.

Уши чтобы прочистить.

– Эй, краснюки! А ну кидай зброю, пока живы! И точка!..

Красный командир встал, поправил португеею, сунул руки в карманы:

– Возьмите!

Окруженцы выбрали его старшим. Не ротным, не батальонным, а считай, атаманом. Не штаб назначил, не «начальство» – сами выкрикнули. Это бодрило, придавало силы. Верят!

Месяц назад наехали в их полк штабные. С одним из них командир крепко сцепился. «Кем вы себя вообразили? Атаманом Нечаем?» – возмутилось начальство. Сорвали с рукавов нашивки, определили в рядовые бойцы. Ненадолго – через неделю снова взводным выбрали.

Сейчас их три сотни. Патроны есть, вода плещется во флягах, пулеметы пристреляны. Ветераны Южной группы сдаваться не собирались. Не для того от самой Одессы шли.

Прорвемся!

Тачанка молчала. Затем кто-то высокий, в дивном мундире с желтыми шнурами, в матроской бескозырке, набекрень надетой, спрыгнул на землю, шагнул вперед:

– Товарищ! Мы свои, из бригады Махно. Присоединяйтесь, вместе будем кадетов бить. И точка!..

Про оружие, видать, уже забыл. Понял, ряженный, что не на тех наехал.

– Только уговор: коммунистов и комиссаров нам отдайте. Мы их судить будем – за измену народному делу!

Уже близко ряженный. Вроде, парень, как парень, лицо приятное, взгляд веселый, черный чуб за ухо заложен. На поясе – бомбы, через плечо – пулеметная лента. Хоть сразу на плакат!

Командир широко улыбнулся. Подмигнул:

– Возьмите!

– Большевики Украину Деникину отдали. Вашу Южную группу белякам и Петлюре, считай, подарили. Можете нам не отдавать, сами в расход определите. На что вам предатели?

С ними был комиссар полка. Настоящий комиссар, боевой, не из тех, что в блиндаже с сестрами милосердия сражается под медицинский спирт. Когда командира старшим выкликнули, спорить не стал, пожал крепко руку, пожелал удачи.

И членов партии, считай, треть. Тоже в бою проверенные.

Уже рядом парень с тачанки. Взглядом, словно шилом, колет. Знает: многие сейчас за Батьку. Пока к Умани шли, целые полки в бригаду Махно перебежали. Нет больше веры большевистской Столице!

Командир вынул руки из карманов, смерил взглядом махновца:

– Вот что... Есть ли у нас в отряде предатели, сам решу. В бригаду товарища Махно вступить согласны, но кто ребят моих тронет, с того шкуру спущу и чучело сделаю – ворон пугать.

Подумал немного и словно черту подвел:

– И точка!

Кивнул ряженный, смелую речь одобряя:

– И кто ж ты такой будешь, человеке?

– Атаман Нечай!

* * *

Планы пришлось менять на ходу. Прежде всего, в музей их не пустили. У входа скучали бойцы ВОХР в новеньких шинелях с темно-зелеными «разговорами». Удостоверения на восковой бумаге даже смотреть не стали.

Не велено!

Разводящий оказался более понятлив, извинился и пригласил «товарищей из ЦК» пройти. Охрана, как оказалось, была выставлена в ожидании привоза очередной партии «раритетов» из Румянцевского музея. Внутри царил суев, и только третий из встреченных сотрудников смог пояснить, где находится котельная. Впрочем, идти туда не имело смысла – помощник истопника Касимов Василий Сергеевич, член РКП(б), инвалид гражданской, этим утром ушел во внеочередной отпуск по состоянию своего ветеранского здоровья.

Гости, не сговариваясь, попросили провести их в фонд, где работает несознательный гражданин Игнатишин. Там очень удивились визиту, пояснив, что сами очень хотели бы его видеть. Георгий Васильевич не вышел на работу, причем без всякого объяснения причин. А между тем именно он должен принимать и размещать бесценные экспонаты Румянцевки.

Ни об Агате, ни, тем более, Агатке, в фонде никто и слыхом не слыхивал.

– Я, кажется, дурак, – вздохнул Виктор Вырыпаев.

– Случайностей не бывает, – проговорил Семен Тулак.

Автомобиль вытребовали у охраны. Красному командиру впервые довелось услышать, как поручик повышает голос. Ощущение осталось не из самых приятных, зато машину с шофером подали почти сразу. С гостями из ЦК решил ехать один из командиров ВОХРа, не иначе, тоже что-то почуяв.

Георгий Васильевич Игнатишин обитал в краснокирпичном шестиэтажном доме по 2-му Обыденскому переулку. Как только авто затормозило, вохровец свистком подозвал ближайшего милиционера, ткнул в нос удостоверение, велел сопровождать. Звонок в большой коммунальной квартире на третьем этаже не работал, и в дверь ударили кулаки.

– Вам кого?! – в приоткрытую щель выглянула растерянная тетка с бигудями на голове.

– Открывайте!!!

Возле комнаты, где обитал хранитель фонда, было тихо и пусто. На полу лежал истоптанный серый коврик, из-за приоткрытой двери тянуло тяжелым табачным духом. Негромко тикали часы-ходики. Тик-так, тик-так...

– Гражданин Игнатишин! Гражданин!..

Звать было некого. Георгий Васильевич Игнатишин лежал посреди комнаты, раскинув худые длинные руки. Пожелтевшие пальцы впились в доски пола. Рядом гроздились книги, папки с бумагами, библиотечные карточки, исписанные четким мелким почерком, куча окурков из опрокинутой пепельницы. Серое солдатское одеяло сползло с железной койки, словно пытаясь укрыть хозяина.

Возле окна стояла пустая этажерка, но не на ножках, а почему-то боком.

Часы-ходики обнаружили в углу. Потемневший от времени циферблат, тяжелый медный маятник.

Тик-так...

– Протокол составлять придется, – невесело констатировал милиционер. – Третий за день, граждане!

Ему никто не посочувствовал.

3

– Да! Да! – убеждал Семен Тулак телефонную мембрану. – Да! Напишем. Что видели, то и напишем. Да.

Трубку он держал в левой руке. Правая лежала на столе ладонью вниз, недвижная и бесполезная. Время от времени ротный, забывшись, пытался ею двигать. Не получалось, и Семен каждый раз болезненно морщился.

– Понимаю. Оба понимаем. Я же сказал, напишу. Да!левой! Ремингтониста кто обещал прислать? Хорошо, к вечеру. Вечер – это после шести. Еще раньше? Хорошо!

Мембрана явно не хотела убеждаться. Наконец, ротный последний раз выговорил «Да!», водворил трубку на место, после чего занялся правой рукой. Недвижная кисть нырнула в карман, Семен встал, повел затекшей шеей.

– Ну все! Сталину уже доложили. Мир, товарищ батальонный, не без добрых людей, и на всех, к сожалению, патронов не хватит. Это Гриша Каннер звонил. Говорит, если мы не расскажем, другие расстараются. Точнее, уже расстарались. Говорят, что двое работников аппарата ЦК ездят по Москве и душат сотрудников Цветаевского музея.

– Почему душат? – невозмутимо переспросил Вырыпаев. – И почему – во множественном числе?

Сам он расположился на подоконнике и пытался что-то писать, подложив под лист бумаги взятую со стола папку. Карандаш был пристроен за правым ухом.

– Меня спрашиваешь? – цыганистый скривился, словно лимон зажевал. – И вообще, не кажись слишком наивным. Я пойму, другие нет. Чего сочиняешь? Некролог?

– Почти.

Пальцы извлекли карандаш из-за уха, графит черкнул по бумаге, замер, снова принялся за работу.

– Расписываю нашу командировку. Когда, что и в какой последовательности. Возражений нет?

Возражений не было.

– Знаешь, когда я злюсь или болит чего, ко мне крокодила цепляется, – вздохнул краском. – Та самая, которая по улицам ходила. «Увидела китайца, оставила без пальца...» Тьфу, чего в голову лезет! Никого, понятно, мы не душили, даже помощь органам оказали, а все равно как с той шубой вышло. То ли у него украли, то ли он украл.

– И не шубу, а рукава, причем от жилетки, – согласился поручик. – Крокодила – еще ничего. Когда я психую, у меня одно и то же перед глазами: поле, черное, в снежных пятнах, красный закат – и всадники. На меня несутся, сейчас рубить станут, а я винтовку поднять не могу. Они все ближе, огромные, темные. Как во сне, ни двинуться, не убежать... Смешно?

Командир РККА покачал головой.

– Это тем смешно, кто всю войну в тылу задницу о кресла плющил. Ты сразу вспоминай, что здесь ты и живой, а они – никто и нигде, призраки просто. И ничего им с тобой не поделаться... И что же это у нас получается, товарищ? Чего писать станем? О чем докладывать?

С этим ясности не было. Если отбросить версию о двух душителях из Центрального Комитета, то оставались только голые, словно трупы на цинковом столе, факты. Их было немного. Тело гражданина Игнатишина увезла карета «скорой», причем предварительный осмотр признаков насильственной смерти не обнаружил. Не резали, не душили, не били. Врач предположил, что причиной смерти стал самый обычный инфаркт. Деньги и ценности – десяток николаевских червонцев и тяжелый золотой перстень, остались в комнате, хотя, чтобы их обнаружить, достаточно было снять с койки матрас.

В самом фонде тоже ничего не пропало. Перед смертью хранитель никого ни о чем не предупреждал, писем не оставлял и кровью стены не метил. Расспросы коллег, в том числе служивших вместе с покойным в Румянцевском музее, ничем не помогли. Игнатишин никогда не интересовался энергетикой, электрическими станциями и вообще, экономикой. Его увлечением было творчество немецкого художника-романтика Фридриха, что никак не ассоциировалось с таинственной «Агатой».

Помощник истопника Василий Сергеевич Касимов, член РКП(б) с января 1919 года, всеми характеризовался только положительно: прилежен, вежлив, всегда готов помочь. Спиртного инвалид практически не употреблял, так что с Игнатишиным сошелся действительно «в процессе многократного чаепития». Малограмотен, но очень любопытен, в первые дни службы обошел весь музей, неоднократно заглядывал в фонды, расспрашивал, просил объяснить. Заявление на отпуск написал два дня назад, пожаловавшись на последствия контузии. На фронте, как удалось узнать, вел себя достойно. В январе 1920-го награжден серебряными часами с гравировкой, неоднократно получал благодарности.

Уехал же ветеран скорее всего в Калугу, где жили его родственники. По крайней мере, так его поняли сослуживцы.

– Если бы не мы, никто ничего вообще бы не заметил, – подвел итог Вырыпаев. – Беднягу хранителя проводили бы гражданской панихидой в красном уголке, вещи достались бы соседям...

Тулак согласно кивнул:

– Ага. Может, это они, соседи коммунальные, в комнате рылись, а никакие не убийцы. Странно только, что золото не взяли. Или спешили очень? А ты видел, что книги, которые на полу, иностранные, не на русском? Хотя чему удивляться? Ученый человек, картинами немецкими занимался.

– Книжки видел, – кивнул батальонный. – По искусству там действительно кое-что есть. Возле этажерки лежало немецкое издание о Карле Фридрихе, старое, еще прошлого века. И еще какой-то альбом, французский. Удивляться нечему, согласен. Но там было и другое. Ты знаешь, кто такая Елена Блаватская?

– Вроде Распутина, только в Индии и в юбке, – хмыкнул цыганистый. – Нам о ней на лекции рассказывали, мол, пример идеологического загнивания современного буржуазного общества. Дурила тетка народ, как хотела. Это она письма от всяких чудиков подделывала? Будто ей чуть ли с того света пишут?

– Как ты говоришь, ага, – улыбнулся Виктор.

– Чистый Распутин! Постой, ты ее книжки там видел?

– «Из пещер и дебрей Индостана», приложение к «Русскому Вестнику», издание Каткова. И не только, еще какие-то немцы и, кажется, англичане. Теософия, мир духов, ясновидение, блюдца бегают, столы ножками стучат. В общем, пример идеологического загнивания современного буржуазного общества в чистом виде. А наш бедняга-искусствовед – доморощенный российский мистик. И, знаешь, мне показалось...

Вырыпаев умолк, несколько секунд молчал, затем решительно тряхнул головой.

– Ладно! Либо я опять дурак, либо... Как мадемуазель Рисурс звали? У которой мощи больше, чем в электрической станции? Агата?

– Или Агатка, – осторожно подсказал ротный. – Неужто понял, гимназист?

– Я в теософии профан, но если верить господину Сент-Ив Д'Альвейдру, то где-то в Гималаях существует то ли город, то ли страна – центр всей этой мистики. А называется она...

Батальонный выждал еще мгновение, явно довольный своей догадкой, и, наконец, неспешно, с выражением выговорил:

– Агартха.

Красный командир поглядел на поручика, тот развел руками.

Вновь переглянулись.

– По улицам ходила большая крокодила, – с чувством выговорил один.

Другой чуть подумал, кивнул:

– Она, она в Агартхе жизнь вела.

4

В этот вечер на Манежной было неожиданнолюдно. Хватало народу и на Тверской, теплая погода выманила людей на улицу, усадили в коляски «лихачей» и блестящие свежей краской «моторы». На углах ждали покупателей продавцы цветов, швейцары замерли в боевой готовности у ресторанных дверей, на все готовые девицы в легких пальтишках фланировали по высохшему за день тротуару.

Документы никто не проверял. Никому не был нужен молодой человек в потертой офицерской шинели.

Поручик поймал себя на странной мысли. Они, Белая Гвардия, проиграли, полностью и бесповоротно. Но если бы победили, если в ноябре 1919-го все же взяли Столицу, стала бы теперь Тверская иной? Сейчас улица принадлежит богачам и шлюхам. А если бы свергли большевиков?

Ответ он знал. Более того, догадывался, что в случае победы никогда бы не попал в самую головку власти, не работал бы за красными стенами Главной Крепости. Отставного офицера, тем более инвалида, конечно бы пристроили, хотя бы в банк к дяде-финансисту. И кем бы он там служил? Для курьерской должности и то не слишком годен.

Выходит, незачем жалеть о поражении? Более того, свою войну поручик, как ни крути, выиграл. Что делают сейчас его бывшие однополчане? «Вчистую уволен от службы и страны...» Он, по крайней мере, дома.

* * *

С чужими документами лучше было не рисковать, но поручик все же решился – и выпи-сал себе отпускной плацакарт до Киева. Там жил младший брат, сумевший в конце 1917-го выбраться на юг из Красной Великороссии. Когда начиналась Смута, парень был в старшем классе гимназии. В конце 1918-го он записался в юнкерскую дружину, оборонявшую Киев от Петлюры, потом служил у Деникина, но на фронт не попал, заболев тифом перед самой отправкой.

Жив ли? Здоров? Свободен?

Им обоим повезло. Младший брат уцелел, более того, сумел устроиться на достаточно безопасную должность при городском исполкоме. В начале 1920-го его избрали скаут- масте-ром подпольной скаутской дружины Киева. «Разведчик весел и никогда не падает духом».

Они собрались на склонах Днепра – разведчики из «Братства костра» и их немногочис-ленные друзья. Поручика пригласил брат, как самого старшего скаута. Когда стемнело, все, не сговариваясь, достали синие галстуки.

Будь готов!

Невысокое пламя, легкое потрескивание веток в огне, равнодушные холодные звезды в черном весеннем небе.

– Нас десять, вы слышите – десять,
А старшему нет двадцати.
Конечно, нас можно повесить,
Но раньше нас надо найти.

Пели вполголоса, почти шепотом, но все-таки пели. И костер горел, и пеклась в золе прошлогодняя картошка, и мальчишки, последние скауты Киева, не боялись говорить вслух то, что за что теперь отрывали не языки, а головы.

Кто-то запоздало вспомнил, что забыл икону Святого Георгия, покровителя разведчиков. Тогда поручик достал бабушкин подарок. Живой огонь словно пробудил древний лик. Царь-Космос улыбался в своей каменной темнице.

Уезжать брат категорически отказался. А вот ему, старшему, наставительно советовал эмигрировать. Волчья шкура, считал он, ненадежная защита.

Поручик не спорил. У каждого – своя судьба, свой выбор. Доктор Франкенштейн не зря старался, выращивая Монстра. Настало время пустить его в дело. В Киевском военкомате он получил предписание, и вскоре уже ехал в Ташкент. Красным частям Туркестана требовались командиры с боевым опытом.

Прошло два с лишним года. Кожа Монстра давно окаменела, привычными стали чужое имя и чужая речь. Каждый вечер поручик заново проговаривал все, сказанное за день, пытаясь найти ошибки. Пока обходилось, но сегодня он несколько раз был на грани. Лишние слова, ненужные эмоции. Нельзя! Красный командир, его новый коллега, неглуп и глазаст. Не оступись, Монстр, не подведи творца!

Монстр скалил клыки и рычал, соглашаясь с мудрым доктором. Не подведу, не волнуйся. Всегда готов!

Уже возле входа в общежитие, поручик внезапно вспомнил, что странные милиционеры встретили сотрудников Техгруппы именно в тот вечер, когда письмо от бдительного товарища Касимова уже лежало в канцелярии Центрального Комитета. Догадаться, куда его передадут, достаточно просто. Случайность?

Товарищ Ким предупреждал не зря.

5

...– И ко всему еще не заварили чай, – резюмировал товарищ Ким.

Возразить нечего – не заварили, даже не вспомнили, не до того было. Однако начальству не объяснишь, оно и слушать не станет.

– Итак, что мы имеем? По всему Центральному Комитету только и разговоров о секте душителей при Научпромотделе, интересующий нас человек мертв, а все, что можете предложить – это сказки бабушки Блаватской. Дорогие товарищи! Всей этой мистикой место исключительно на помойке – под толстым слоем извести.

Все, как и в прошлый раз. Начальство на подоконнике, подчиненные перед ним, плечо к плечу. Не «смирно», но и не «вольно», лишний раз не вздохнешь.

– Надеюсь, больше никогда не услышать от вас ни о Агартхе, ни о Шамбале, ни о парящих в воздухе махатмах. Или я что-то не понимаю?

Черная трубка в руке, в глазах – не пойми что, на губах почему-то улыбка. Вроде бы и не слишком сердится.

– Что скажете?

А что сказать?

Доклад о случившемся был написан еще вчера, поэтому была надежда, что к утру разберутся, утихнут. Где там! Чуть ли не каждую четверть часа в комнату заглядывали незнакомые физиономии. Якобы по ошибке, дверью промахнулись. Посмотрят, усмехнутся со значением, покивают сочувственно.

Гриша Каннер звонил трижды. Среди прочего пересказал слух, будто бы сам товарищ Троцкий привселюдно поинтересовался, что за чудеса творятся в аппарате ЦК? После такого можно было ожидать чего угодно, и прежде всего вызова к непосредственному начальству. Но товарищ Ким явился сам. Кивнул с порога, взглянул вопросительно.

– Кто первый?

– Я первый, – ротный глубоко вздохнул, шагнул вперед. – Товарищ Ким! Думаю, догадка товарища Вырыпаева об этой... Агартхе правильная. Я, конечно, не Нат Пинкертон и даже не Ник Картер, но вот чего выходит. Игнатишин – тот еще фрукт. Интеллигент, мистик и все такое, но знал он о чем-то серьезном. Не об этих ваших маха... махата...

– Махатмах, – негромко подсказал начальник.

– Так точно. Не верю я, чтобы Касимов такой, извиняюсь, дурак, чтобы на всякую Блаватскую купиться. И другие тоже не дураки – те, что письмо отследили. А что человек от инфаркта помер, так это еще не доказательство. Сунули рабу божьему револьвер под нос, а он с неприличиями...

– Отставить!.. Садитесь товарищи.

Рука с трубкой нырнула в карман. Товарищ Ким улыбнулся:

– Верно сказали. Вы – не Нат Пинкертон, и я тоже. Этим делом займется, кто положено. Я только что говорил с товарищем Сталиным. Мнение у нас одно – вы оба действовали абсолютно правильно.

Молодые люди, явно ожидавшие иного, переглянулись.

– Особенно товарищу Сталину понравилось, что вы пошли в музей, сразу же, как прочитали письмо. Он считает, что у вас неплохая интуиция. А что опоздали – не ваша вина. Чья, будем разбираться, а вы работайте дальше. На болтовню не обращайте внимания, у нас в ЦК любят чесать языки. Вопросы?

На этот раз первым успел батальонный:

– Товарищ Ким! А как же дело Игнатишина? А вдруг там и в самом деле что-то серьезное?

Начальник покачал головой, прикусил зубами черную трубку.
– Никакого дела нет – и не было. Забудьте. Считайте, что это приказ.
На это раз никто не шутил.

Глава 3. Высшая мера

1

Легко ли уходить в смерть? Дурацкий вопрос – как раз для самоубийцы с намыленной бельевой веревкой на шее. Но и тот трижды подумает, прежде чем табушет ногой отпихивать. Разве что в атаке, самогона хлебнув и речь комиссарскую выслушав. Бежишь, орешь, «мосинка» в руках легкая, словно из бамбука. «Бей контру, коли! За власть Советов!..»

Прикрыл Леонид глаза. Ерунда это! Бежать легко, а когда Ей в глаза поглядишь, когда Она тебе оскалится... Дал слабину. Не хватило сил на простое и ясное «нет».

– Я вас не знаю, гражданин начальник. Представьтесь.

Пожалел сразу, но поздно. Тот, кто сидел за столом, кивнул, взглянул не без интереса.

– Я заместитель начальника Секретно-оперативного управления и начальник Особого отдела ГПУ. А я вас помню, товарищ Пантёлкин. В 1919-м я приезжал в Питер, вас тогда с фронта отозвали.

Фамилией, впрочем, не поделился. И не надо, и так все ясно. Темно-синяя гимнастерка мягкого дорогого сукна, белый металл в петлицах, на рукаве – нашивка с ромбами, одеколонный дух, волосы чуть ли не в бриолине. А присмотришься – лошадь лошадю, только с усами.

Вот они, начальнички новые. Вот, значит, за кого воевать довелось!

– Вы, товарищ Пантёлкин, напрасно мне не верите. Смертный приговор на вас уже больше года висит, а мы вас вытащили, спасли, можно сказать. Между прочим, из-за вас Особый отдел чуть не поссорился с товарищами из Петрограда. Очень уж им крови Фартового хотелось. Но мы своих не выдаем. Чекистское братство – не пустые слова. Это закон, товарищ старший оперуполномоченный.

– Бывший, – напомнил Леонид. – Меня из ВЧК еще в 1921 уволили.

На лошадиной морде – снисходительная усмешка. Начальничек тоже почуял слабину, сейчас давить станет. И ответить нечем, все карты у него.

– Това-арищ, Пантёлкин! Чекист – он бывшим не бывает. Ваше личное дело просто переслали из Питера к нам, в Столицу, в феврале 1922-го вас оформили сотрудником Госполитуправления в той же должности. Ваша служба продолжается...

Слова падали, словно капли воды с потолка. Не отвернулся, не спрятаться. Леонид понял – сейчас сломают. Для того и спасали из-под пуль, в Столицу везли, обедом из ресторана кормили. Немалый чин по его душу прислан, не мелочатся товарищи с Лубянки.

– Итак, товарищ Пантёлкин. Прежде всего, вы отчитаетесь о своей работе. Мы хотим знать, кто отдал приказ о разработке операции «Фартовый», кто вел и прикрывал вас все эти месяцы. Вы уже знаете, что операция сейчас квалифицируется, как ошибочная, даже преступная. Вашей личной вины в этом нет, вы лишь выполняли приказ. Так помогите разоблачить врагов! Назовите имена, дайте показания, реабилитируйте себя перед рабоче-крестьянской властью. Иного пути нет, иначе предателем станете вы сами. Со всеми вытекающими, Пантёлкин, учтите!

Уже не «товарищ». Давит, морда лошадиная, костями хрустит. Леонид прикинул, когда этот тип мог появиться в ВЧК? В 1918-м его точно не числилось, тогда свои наперечет были.

– Вы Лафара Георгия Георгиевича помните, гражданин начальник?

– Как? Как вы сказали?

Осекся начальничек, с мысли сбился. А Леониду легче стало. Вовремя друга вспомнил!

– Когда меня в декабре 1917-го товарищ Дзержинский в ВЧК позвал, я совсем еще мальчишкой был, только-только шестнадцать исполнилось. Вот меня под начало Жоры Лафара и

отдали, чтобы делу научил. Потом к нам еще Яша Блюмкин пристал, вроде как оперативная группа образовалась.

– Блюмкин? – лошадиная морда нервно дернулась. – Он-то здесь причем?

– Не причем, – как можно наивнее улыбнулся Леонид. – Просто служили вместе. Так вот, в декабре 1918-го Жору отправили с заданием на юг, к интервентам. Оперативный псевдоним – «Маркиз Деллафар»...

– Маркиз Деллафар! – начальник облегченно вздохнул. – Теперь понимаю. Он, Пантёлкин – настоящий герой. И погиб героем.

Леонид вспомнил Жору, яркогубого, кудрявого, веселого, казалось, не умевшего унывать. «Лёнька, пока стрелять не начали, давай я тебе стихи свои новые прочту. Про Французскую революцию». Пантёлкину его стихи нравились, Дзержинскому, говорят, тоже.

– Жору французы два месяца ломали. Он ведь сам француз, и родичи его там, во Франции, и предков могилы. Вроде как против собственной страны работал. А главное, сдали-то его свои. Наши сдали, а почему и за что – не ко мне вопрос. И Жора это знал. Как себя оправдать можно, какие причины для измены найти! Любой бы сдался, а Жора – нет. А теперь вы меня ломаете. Операция «Фартовый» имела целью очищение Петрограда от бандитского и прочего вражеского элемента. Если вам в Столице такое не по душе...

– Прекратите! Сами не знаете, что мелете!

Начальник встал. Теперь они были вровень, почти глаза в глаза.

– Операция «Фартовый» задумывалась для того, чтобы скомпрометировать Новую экономическую политику в глазах трудящихся Петрограда. Задумывалась врагами. Если вы не поможете их разоблачить, мы вас уничтожим. Мне и так не по душе этот компромисс, учтите.

Поглядел Леонид на лошадь в петлицах, да и ответил:

– В этом и есть между нами разница, гражданин начальник Особого отдела. Мы – без компромиссов обойдемся, сразу вас к стенке поставим. Вы мне про один чекистский закон напомнили, я вам про другой. Тоже наш, кровный, можно сказать. Умри ты сегодня, а я – завтра. Счастливо дожить до завтра, товарищ!

* * *

Если смерть выбрал, если от жизни отказался, станешь ли по сторонам смотреть? Может, и станешь. Любопытство последним умирает, даже после надежды. Когда Леонида обратно в черное авто впихнули, он сразу в окошко взглянул. Напрасно! Шторы на окне, и на соседнем – тоже, странно, что лобовое стекло фанеркой не забили. Тут любопытство и проснулось. Если на смерть, то куда? Столицу Леонид знал плохо, наездами бывал, и то по службе. Не разгуляешься, не оглядишься. Мест расстрельных в Столице, конечно, побольше, чем в Питере, говорят, и на Ходынке стреляют, и в Хамовнических казармах.

Авто тронулось, рыкнуло мотором. Леонид закрыл глаза, чтобы в затылок шоферский не смотреть. Скоро все узнает, жаль, не рассказать, ни в мемуарах описать не придется. Подумать бы напоследок о чем-то приятном, веселом, но мысли вокруг все того же крутились. Не повезут его ни на Ходынку, ни в Хамовники, где обычную контру и шваль уголовную пускают в расход. А он, бывший старший уполномоченный, из необычных. В Питере его уже похоронить успели и даже награды получить за изничтожения врага народа Фартового. Считай, месяц на том свете прогулы ставят.

Машина мчала куда-то вдаль, подпрыгивая на выбоинах и на обломках сброшенного с тротуара весеннего льда, в салоне потеплело, и Леонид попытался снять кепку. Чьи-то пальцы перехватили руку.

– Сидеть!

Леонид вдруг подумал, что так же, наверно, этапировали на смерть Жору Лафара. Только не в авто, а на катере. Отвезли подальше в море, прикрутили к связанным ногам цементный блок... Тела не нашли, потому и награждать не стали. Леонид пытался спорить, даже к Дзержинскому ходил. А за него кто похлопочет? Блюмкин, что ли?

– Сказано, сидеть! Сам расстегну.

Леонид даже не заметил, когда успел рукой за ворот куртки взяться. Уже не тепло, жарко. Чья-то рука прикоснулась к горлу, расцепила крючки, а заодно и стащила кепку.

– Спасибо!

Поблагодарил, но глаза открывать не стал. Наверно, эти заботливые и назначены на исполнение. Отвезут в тюрьму с подходящим режимом, подождут до темноты, выколют яму прямо посреди двора. К утру только пятно и останется, потом его притопчут ногами, если расщедрытся, асфальтом накроют. А может, и зарывать не станут. Отправят в кочегарку, хорошо, если мертвого. Был Леонид Семенович Пантёлкин – и нет его.

В начале 1921-го, когда Леонида перевели в транспортную ЧК, для виду назначив обычным агентом-контролером, довелось ему как-то поговорить по душам с парнем из Иркутска. Послушал про тамошние дела и чуть завидовать не начал. Сам он не за бумажками войну провел, всякое видеть доводилось, но в Сибири масштаб особый. Слева тайга на тысячу верст, справа она же на тысячу пятьсот, а дальше – Монголия с Урянхаем. Иркутский чекист хвалился, что довелось ему ловить самого Ростислава Арцеулова. На резонный вопрос «кто таков?», сибиряк лишь головой качал: «Га-а-ад! Ух, га-а-ад!». Он и рассказал про расстрельные хитрости. Когда товарищу Чудову, начальнику Иркутской ЧК, поручили исполнить Адмирала, он поступил умно. Конвой отвел на Ушаковку палача-китайца, нарядив его в адмиральскую шинель. Исполнили – и в прорубь столкнули. С самим же Адмиралом торопиться не стали. В подвал притащили, велели одежду снять, а после каждый душу отвел, пока патроны не кончились. Там, в подвале, и прикопали врага. И кто теперь этому поверит? Всем известно, что Адмирала Ангара унесла. Ищите!

– На выход!

Снова кепка на голове, до самого носа надвинули. Понял Леонид – стоим. Значит, приехали, значит, его черед. Только искать не станут. Был бы Жора Лафар живой...

Вылез из машины, попытался осмотреться.

– Пошел!

– Не посылай. Могу вернуться.

Огрызнулся, и вроде как полегчало. Сцепил пальцы за спиной, зашагал. А чтобы веселее было, Леонид стал вспоминать, как его оперативному делу учили. Вызвали к начальству – и человека указали. Ходи, мол, за ним даже не тенью, легким ветром. Если заметит, то, считай, сорвана операция. А на дворе февраль 1918-го, германец как раз к Пскову рвется.

Пять дней Леонид за человеком ходил. Все выяснил, все увидел. Оказался человек работником банка да к тому же членом партии октябристов. На советскую службу поступил, не отказался, но после работы не домой спешил, а совсем в иное место. Через проходной двор, через черный ход, этаж второй, стучать три раза. Не он один – чуть ли не дюжина таких же подозрительных, кто из кадетов, кто вообще из приват-доцентов.

Накрыл заговор! Когда смеяться стали, вначале даже не понял, а как разъяснили, чуть с кулаками на Жору Лафара не полез. Он это и придумал – на случайного прохожего указать. Правда, потом смеяться перестали. Заговор не раскрыли, но выяснили, что ходил бывший октябрист в притон – кокаином баловаться да мамзелей несовершеннолетних шупать. За этот притон вышла Леониду первая благодарность от самого товарища Дзержинского. Блюмкин тогда иззавидовался, из-за этого и в Столицу попросился, когда правительство переезжать решило.

– Направо!

Направо? Леонид вдруг сообразил, что ровным счетом ничего не заметил. Авто вроде бы во дворе остановилось, потом дверь, лестница, второй этаж. Или третий? И вообще, куда он попал?

Осмотреться не дали. Слева и справа – архангелы-хранители, те, что в авто были. Боками жмутся, под локти держат. Впереди и сзади конвой. Форма новая, затылки стриженные, налитые. А зачем смотреть, если можно воздух вдохнуть? Не запрещают пока.

Леонид вдохнул поглубже, ноздрями повел... Тюрьма! Знакомый дух неволи, один раз нюхнешь, будешь помнить до самой расстрельной стенки. То ли Бутырки, то ли Таганка, то ли что-то хитрое, для своих. Днем привезли, не ночью, значит, несколько часов еще подышать дадут.

– Стой! Лицом к стене!..

* * *

Леонид попал в ВЧК по рабочей путевке. Типография направила – красный Питер от шпаны и налетчиков охранять. Получил он приказ явиться к товарищу Петровскому, народному комиссару внутренних дел, но так к нему и не попал. В приемной наркомата, где шумели моряки-клешники, разговорился с немолодым бородатым дядькой, по виду и говору – чистым поляком. Леонид сперва откровенничать не хотел, мало ли какие поляки случаются? Но потом все-таки рассказал о себе. Мол, грамотен, читать любит. Кстати, польский язык немного знает – семья в Лодзи проживала, пока война с германцем не началась. Беспартийный, но эсдекам-большевикам сочувствует, потому что те за рабочий класс.

– Bardzo dobrze, – похвалил его поляк, а потом, перейдя на русский, велел предъявить путевку. Читал долго, думал, а затем поглядел прямо в глаза:

– Подходишь! Так есть.

В дом на Гороховой зашли вместе – Феликс Дзержинский и чекист Леонид Пантёлкин.

После встречались часто – до марта 1918-го, пока руководство из Питера в Столицу не подалось. И по службе, и просто разговоры вели. Как-то Леонид спросил Первочекиста о тюрьмах, потому как понять не мог. Места заключения – зло и наследие старого режима, это на всех митингах говорят. Так почему их до сих пор не снесли, по камешкам не раскидали? Отчего туда людей направляют?

– Так есть, – кивнул Дзержинский. – Зло, wielkie зло. Вот мы туда еще бóльшее зло и отправляем. По вору – и мука!

Русская пословица была произнесена четко, без малейшего акцента.

– Пошел! Налево. Не оглядываться!

По вору и мука...

Сидеть Леониду довелось трижды, если немецкого лагеря-«концентрака» не считать. Но туда он своей волей попал, по заданию, так что в счет вносить не стал. Оставалось две тюрьмы и один сарай, куда его, пленного, беляки заперли. Злые были, но дурные до невозможности. Орали, титуловали злодеем-христопродавцем, по морде лупили – а пистолет забрать не догадались. В галифе маузер «номер один», фронтовой трофеей, лежал, в левом кармане. Сами и виноваты! Девять патронов было – шестерых золотопогонников оприходовать довелось. С тремя патронами в свою пулеметную команду и вернулся.

А вот на Шпалерной, а после в «Крестах», все чин-чином было, как при Николае Кровавом. И обыск, и фотографическая камера, и душ с хлоркой. Подумал еще тогда чекист, что Старый мир никуда не делся. Вот он, угнезвился, не сковырнешь!

Леонид дернул щекой, вновь слова Дзержинского вспоминая. И другие, что в книжке вычитать довелось. Не по-русски, а запомнились.

Suum quique. Каждому – свое!

– Стоять!

Коридор кончился, впереди – железная дверь. Значит, в камеру.

В камеру?!

Под душ не гнали, пальцами во всех укромных местах не ковырялись, краской ладони не пачкали, формуляр канцелярский не заполняли. Или в Столице иные порядки, чем в Питере? Кича – всюду кича, хоть на Сахалине. Там в особенности – японцы теперь на Сахалине, они порядок любят. Даже обыска не было! А вдруг у него граната Лемона в кармане?

Что за тюрьма такая? Для кого строена?

А ко всему еще заминка вышла: надзиратель-коридорный, он же «два сбоку», никак не мог камеру открыть. Звякает ключами, а толку нет. Тут уж Леонид задумался крепко. Откуда такой взялся? Хоть и убыло в России-матушке народу, но тюремщики по узилищам до сих пор правильные, как спокон веку предписано. А этот ни ростом не вышел, ни видом. Чистый комсомолец из сочувствующих интеллигентов, очков лишь не хватает.

Наконец, дверь поддалась. Леонид команды ждать не стал, сам через порог шагнул. Прикрыл глаза, к яркому свету привыкая, под ноги поглядел, потом вперед. Нары слева, нары справа. Слева – пустые, справа – чья-то седая голова.

– Здравствуйте!

Хотел сразу же представиться, чтобы невежливым не прослыть, но вдруг понял: не так что-то. Не с камерой, не с седоголовым – с ним самим. Когда порог переступал, вроде как тяжесть почувствовал – справа, где карман куртки. Прежде не было, а теперь есть.

Леонид осторожно потрогал влажную ткань. Не поверил, скользнул ладонью в карман.

Револьвер...

2

– А скажи мне, Лёнька, какая у нас, у чекистов, главная задача? – спрашивал его Жора Лафар.

Тоже мне, вопрос! Леонид чуть не обиделся, маленький он, что ли?

– Заговоры разоблачать, товарищ оперуполномоченный.

– А какая у наших врагов-заговорщиков главная задача?

Яркие губы улыбались, в темных глазах – чертопляс. Не прост вопрос и не зря задан.

– Ну-у, – Леонид даже лоб наморщил, пытаюсь угадать, не осрамиться. – Нанести нам наибольший вред при наименьших собственных потерях!

Кажется, не угадал. Жора покачал кудрявой головой, по плечу похлопал.

– Хорошо формулируешь. Только не попал. Мимо! То, что ты сказал, не задача, а цель. А задача иная. Первое и главное – невидимыми остаться, показать, что никакого заговора нет. Не по подвалам прятаться, а быть на самом видном месте, но так, чтобы никто ничего не заметил. Иначе погоришь, будь ты самим Огюстом Бланки.

Леонид в ответ только моргнул. Как это – на самом видном и чтобы не заметили?

– А так! – засмеялся Лафар. – Корниловское дело помнишь? Тогда о будущем перевороте все газеты писали. А Корнилов и рад. Поддакивал, речи страшные говорил. Что в результате? Товарищ Троцкий, когда нужно было штаб восстания создать, совсем иначе действовал. Выступил в Петросовете с инициативой – защитить город от немца. Никто, ясное дело, не возразил. Возник ВРК – Военно-революционный комитет. Он-то «временных» и скинул. И никаких заговоров. А теперь скажи, кем шпиону лучше устроиться, чтобы против нашей власти подкоп вести. На какую должность?

– Ясное дело, Председателем Совнаркома, – рубанул Леонид и прикусил язык.

На такую высоту забираться не пришлось, но в начале лета 1918-го, когда Жору уже отозвали в Столицу, Леонида подключили к операции «Американский портной». Вражеским агентом оказался комиссар по делам печати. Вот тогда молодого оперуполномоченного и спросили, где он держит служебный револьвер. Узнав, что в кобуре, старшие товарищи не одобрили. Револьвер, как выяснилось, опытные люди носят в рукаве, на специальной резинке. Руку опустишь, он прямо в ладонь соскользнет, очень удобно. И при обыске могут не найти.

Леонид попробовал – не понравилось. На операцию взял с собою кобуру, только под пиджак спрятал. А на фронте, под новый, 1920-й год, раздобыл себе маузер «номер два» 1908 года да так с ним и не расставался. Из него и питерских оперов отваживал, когда на хвост садились.

Тот, что в кармане, не маузер, но тоже не на одну смерть потянет. Это чьими же молитвами?

* * *

– Здравствуйте! – повторил Леонид. Доброго дня желать не стал – на киче он добрым не бывает. Неопытных, – тех, что по первой ходке, сразу поправляют, чтобы впредь не ошибались.

– Пантёлкин Леонид Семенов, бывший старший уполномоченный ВЧК. Высшая мера социальной защиты.

Кличку и статью поминать не стал. Седой не из деловых, сразу видать. Пусто на пороге. Деловой или даже сямка непременно полотенце бы постелил.

Седая голова качнулась, человек неспешно встал, расправил худые плечи, отложил недокурную папиросу.

– Артоболевский Александр Александрович. То же самое. Здравствуйте, Леонид Семенович. Устраивайтесь, места много.

Слева нары в два ряда и справа они же. Седой свой мешок на правые нижние кинул. Вещей у Леонида не было, и он бросил на левые нижние кепку. Куртку пока снимать не решился.

...То, что в кармане – пятизарядный «бульдог». Только рукоять странная, сильно изогнутая, и щечки гладкие, вроде как костяные.

– Александр Александрович! Угостите папиросой за ради знакомства.

Пока седой пачку «Иры» доставал и зажигалкой шелкал, Леонид уже и присмотреться успел. Все верно, не деловой и не сямка. Недорасстрелянный интеллигент в калошах? Похож, но не совсем. Интеллигенты – они бледные, нервные, в очках-велосипедах и с козлиной бородкой. А этот просто небрит, дней пять уже, если по щетине судить. Лицо загорелое, как будто из Африки приехал. Взгляд умный, внимательный.

– Благодарствую! Уважили.

Сколько лет, сразу не понять. По седине – за пятьдесят будет, по лицу – много меньше. Худой, но силы хватает, с таким лучше не связываться. А если все вместе сложить?

– Вы, Александр Александрович, на путешественника похожи. Вроде того, которому в Питере памятник поставили возле Адмиралтейства. Может, видели? Там еще верблюд из бронзы.

– Пржевальский, – улыбнулся седой. – Там не только верблюд, но и портфель. А бюст не слишком удался, в жизни Николай Михайлович по общему мнению был куда приятнее... Вас, наверное, предупредили? Вы же чекист.

Душистый табак внезапно ожег горло. «Вы же чекист». Кажется, его приняли за «наседку».

– Чекист я бывший, причем со смертным приговором. Куда попаду, даже не представлял, хотите верьте, хотите нет. Про путешествия вспомнил из-за того, что загар ваш непривычный. И вид, между прочим, не кабинетный, такие, как вы, в четырех стенах не сидят.

– Арестовали меня как раз в собственном кабинете, – по загорелому лицу мелькнула усмешка. – В остальном, все правильно. Работал в Туркестане, на Тянь-Шане и на Памире. Я не в претензии, Леонид Семенович. Будь бы даже чекист при исполнении, все равно был бы рад. Одному уж больно тоскливо. Между прочим, здешние власти грозились запустить мне в камеру страшного разбойника по кличке «Фартовый». Это у них педагогика такая.

– А против разбойников средство есть, – улыбнулся в ответ Леонид. – Вы у порога полотенце простелите.

* * *

«Фартовым» Леонид стал в январе 1922-го. Троих на задание послали: Варшулевича из Псковской ЧК, Гаврикова, бывшего комиссара батальона, и его, агента-контролера дорожной чрезвычайки. Сдали партбилеты, Гавриков орден с груди снял... Были партийцы – бандитами стали. Леонида на месяц в домзак на Шпалерной определили, чтобы мудрости воровской поднабрался. Про полотенце предупредили сразу. Первая проверка, у самого порога. Не забудьте вытереть ноги, товарищ Фартовый!

Не слишком по душе Леониду пришлось новое задание. Урок и налетчиков он с самого своего пролетарского детства ненавидел, потому и согласился в 1917-м к товарищу Петровскому на городское патрулирование пойти. Но душа душой, разумом же понимал чекист – верно задумано. На такое еще Жора Лафар намекал. «Кем шпиону лучше устроиться?» Само собой, королем всех питерских деловых, чтобы собственным подданным перебор устроить да хазы-малины поганые попать. А потом открылась Леониду еще одна возможность. Шпионы

и заговорщики, настоящие, не липовые, от чекистов дела свои прячут. А поди спрячься от налетчика!

Не все пошло, как задумано, не тем кончилось. Он, старший уполномоченный, не на службе, а в смертной камере. Вроде бы несправедливо, но если задуматься, много ли справедливости в мире? На всех точно не хватит.

– ...А кроме полотенца, Александр Александрович, у этой публики много всяких обычаев имеется. Как у индейцев, про которых Майн Рид писал. Глупые есть, смешные, но есть и разумные. Попал на кичу, вопросов лишних не задавай, в душу чужую не лезь. Это я не на себя намекаю, спрашивайте, если охота. Вы меня за подсадного приняли...

– Помилуйте! – Артоболевский даже руками развел. – Вы же должность свою изволили назвать. Едва ли ваш подсадной станет так представляться.

Леонид помотал головой. Интеллигенция, что с нее взять?

– Правильно приняли. Лучший способ – искренность изобразить, особенно с вами, с образованными людьми. А что мы оба к высшей мере определены, так в том и вся соль. Знаете, отчего бомбисты при царе смертного приговора боялись? Не самой смерти, а именно осуждения? Потому что ходил слушок, будто смертников пытают, тайны наружу выворачивают. Пытать – это грубо, а поговорить сердечно напоследок – самое оно. Так если прячете чего, прячьте и дальше. Никому не верить – первое тюремное правило.

Интеллигент задумался, провел ладонью по седым волосам.

– В моем случае сие совершенно бесполезно. Ни про какие тайны меня не спрашивали, что по-своему даже обидно. Новая власть изобрела интересную формулу осуждения: ты виноват, а в чем, сам должен знать. Презумпция абсолютной виновности. Поспорила бы с таким подходом, да не с кем.

Леонид вновь окинул взглядом узилище. Нежилое какое-то, людским духом не пахнет, только хлоркой. Стены чистые, без надписей, будто после ремонта. Словно специально для них кичу придержали, как номер гостиничный.

А может, этот седой и есть подсадка? На Лубянке не дураки служат, у них подходы разные в запасе имеются. Леонид покосился на соседа. Поди пойми! Для смертника слишком спокойный, философии разводить пытается. Но мало ли как себя люди ведут? Кто песни перед расстрелом поет, кто письма пишет, кто волком воет. А он, Пантёлкин, продолжает оперативную работу вести.

– Вы, наверно, правы, – вновь заговорил Артоболевский. – Даже не наверно – наверняка. Но я охотно выслушал бы мнение самого господина Дзержинского, будь он сюда определен. Интересно все-таки. В 1918-м и позже расстреливали заложников – не за вину, а в качестве меры устрашения. Чудовищно, но понятно. Тогда брали всех подряд, по телефонной книге. Ну, да вы знаете.

– Не знаю, – поморщился Леонид. – Я на фронте был. Нарвский участок, пулеметный взвод. Мы там без телефонных книг обходились.

– Я не лично о вас, Леонид Семенович, я о системе. Сейчас стали заговоры раскрывать. Арестуют сотню, десяток от страха признается и остальных оговорит. А для верности добавляют в список двоих-троих настоящих заговорщиков, чтобы никаких сомнений не было. И получится, к примеру, «боевая организация Таганцева», которую в Питере разоблачили. Этот способ в революционном Париже назывался «амальгама» – соединение несоединимого. Но в моем случае все по-другому. Рассказать – или будем и дальше друг другу не верить?

Леонид пожал плечами. Верить ни к чему, а поговорить можно. Все лучше, чем тишину предрасстрельную слушать.

– Я вернулся из Туркестана прошлым летом. С сентября начал преподавать в Университете, книгу новую задумал, даже успел кое-что набросать. Арестовали два месяца назад. Ни одной очной ставки, ни одного серьезного обвинения...

– Это вам так кажется, – невесело улыбнулся чекист. – Серьезное или нет, трибунал решает.

– Вероятно. Но посудите сами. Сейчас 1923 год от Рождества Христова. Мне же инкриминируют «тесную связь», если пользоваться выражением следователя, с главой российской контрреволюции Лавром Георгиевичем Корниловым.

Леонид невольно сглотнул.

– А это, извините, по-вашему не слишком серьезно?

– Как я понял, серьезно, – невозмутимо согласился Артоболевский. – Я не зря вам напомнил про календарь. Сейчас 1923-й. А в ноябре 1899-го студента третьего курса, только что вернувшегося из археологической экспедиции, убедительно попросили помочь одному молодому капитану Генерального Штаба. Просил лично генерал Иванов, командующий войсками округа. Готовилась экспедиция в Кашгарию и на Памир, места тогда совершенно заповедные. Характер и задачи будущей поездки были слишком очевидны, поэтому студент решил отказаться. Но потом встретился с капитаном, поговорил – и с изумлением понял, что офицер интересуется научными вопросами ничуть не меньше его самого. В географии и этнографии капитан был силен, но вот археологией никогда не занимался.

Александр Александрович рассказывал спокойно, с легкой улыбкой. Леониду даже стало завидно. Кашгария, Памир... Есть, что вспомнить человеку.

– Поехали вместе. В группе были исключительно военные, поэтому студента зачислили «вольнопером». Когда об этом узнали родители, то чуть в обморок не упали. Бедного сыночка отдали в рекруты! В письме ведь всего не объяснишь. Я сообщил, что буду проходить службу на Дальнем Востоке, при наместнике Алексееве.

– Так вы, значит, с генералом Корниловым в эту Кашгарию ездили? – поразился Леонид. В ответ – негромкий смех.

– Генерал – это еще нескоро. Ему было двадцать девять лет, мне – двадцать три. На «ты» с ним перешли. Я его по имени-отчеству, все-таки командир, а он меня – по фамилии. Еще возмущался, что у меня фамилия длинная, на двоих хватит. Полтора года в пути, впечатлений – на три жизни. После поездки я ему помогал отчет писать, а потом и книгу. А он через несколько лет подсобил, когда меня за политику от преподавания отстранили. Сердился очень. «Ты – нигилист, Ар-то-бо-лев-ский! За каждый слог твоей фамилии – по году каторги!» Но – выручил. Лавр Георгиевич служил тогда военным агентом в Китае. Ему поручили важную инспекцию на нашем секретного объекте возле озера Челкель. Он как раз возвращался и вызвал меня телеграммой в Кашгарию, в город Янги-Шар, там мы и поговорили. В 1909-м Академия Наук с благословения Генерального Штаба организовала в Туркестане комплексную экспедицию, мне был поручен археологический сектор. Наши сотрудники направлялись в основном в Китай и Внешнюю Монголию, но два раза мы забирались очень далеко, в самое сердце Тибета. А чтобы внимание властей не слишком замечалось, финансирование для виду шло через «Ферганское общество по добыче редких металлов»...

– Погодите, погодите! – взмолился Леонид. – Александр Александрович, вы понимаете, что говорите? Корнилов, значит, главный шпион, а вы – при нем.

Артоболевский дернул плечами:

– Я занимался наукой. Археология, этнография, отчасти фольклористика. В шпионы меня не взяли, видать, способностей не было. А в остальном... Мы служили стране, Российской Империи, защищали ее интересы на Востоке. Научная работа, среди прочего – это изучение вероятного театра военных действий. От каждой экспедиции остаются хорошие карты. А шпионаж... Агенты Лавра Георгиевича добывали правительству нужные сведения, боролись с английской и турецкой разведкой. Кстати, наши археологи по сравнению с британскими – образец пацифизма и научной чистоты, вы уж мне поверьте. Если сейчас за это расстреливают, значит, так тому и быть... Кстати, когда я попытался все это объяснить следователю, выясни-

лось, что он прекрасно осведомлен о моей работе. Так что никаких тайн, никаких конспираций – и смертный приговор. Можете объяснить?

– Попытаюсь.

Чекист неторопливо встал, подошел к зарешеченному окну, поглядел вверх, но не смог разглядеть небо, даже самый его краешек. Глухая стена, двойные стекла, ржавчина на старом железе... А он еще думал, что все интересное в жизни уже позади! Вот тебе, товарищ старший уполномоченный, задачка. Справишься?

– Таких, как вы, Александр Александрович, никто не расстреливает. По горячке могли порешить еще в 1917-м, когда братва на улицах бузила. А после – шалишь, подобные люди пролетарской власти ох как требуются. Потому ответов может быть три. Я сейчас скажу, только вы ничего не отвечайте, потому как не мое это дело, а ваше.

Повернулся, поглядел седому прямо в глаза. Умен ты, видать, археолог, но и мы соображалку имеем.

– Первое. Не разобрались и решили шлепнуть за компанию. Девяносто девять буржуев в списке, одного не хватает. Может такое быть? Вполне, но не в вашем случае. Сами же сказали – следователь в курсе.

Артоболевский согласно кивнул.

– Второе – что-то лишнее знаете. Иные воспоминания потяжелее, чем цементный блок, весят. Сразу ко дну уйдете.

Хотел пояснить, отчего про блок вспомнил, но сдержался. Эх, Жора, худо без тебя!

– Может такое быть? Едва ли. Вы на науку работали и на внешнюю разведку. От таких знаний стране только польза, причем немалая. Остается третье. От вас, Александр Александрович, чего-то хотели. Вы сказали, будто ни про какие тайны вас не спрашивали. Значит, о чем-то другом речь была. Вы отказались, не пожелали власти помочь. А власть – она обидчива порой, прямо как гимназистка. Я правильно излагаю?

Леонид прикусил язык. Так и хотелось врезать интеллигенту: «А теперь колись, если жить хочешь. Отвечай, недобитый!...»

– Вы, наверное, хороший следователь, – усмехнулся археолог. – Вы правы, так и было, но, честно скажу, на допросе я не придавал этому значения. Речь шла о конкретном человеке, которого к тому же давно нет в живых, и об одном архитектурном памятнике. Я и подумать не мог... Спасибо, кажется, вы действительно ответили. Объяснили!

Леонид был не слишком рад похвале, но отказываться не стал. Пусть седой думает, что он действительно следователь.

– Но... Александр Александрович! Если вашего знакомого нет в живых, чем вы ему можете повредить?

Артоболевский ответил не сразу, подумал, наконец, резко вскинул седую голову:

– Отвечу так, что вы поняли. У вас гибли друзья, Леонид Семенович?

– Да, – чекист скрипнул зубами. – Был друг, его звали Жора, Георгий. Он мне – как старший брат.

– Если бы над прахом вашего друга хотели надругаться, вы бы согласились указать дорогу к его могиле?

3

Лампа под потолком сбавила свет, мигнула в полнакала, затем вновь вспыхнула во всю силу, словно прощаясь. Погасла.

Тьма.

И в ту же секунду Леонид со всей ясностью понял: придут. Именно этой ночью, под утро, причем за ними обоими. Потому и под душ не водили, и отпечатками пальцев не интересовались. Зачем? Точно, как в гостинице, переночевал – и в путь. Для уголовных тюрьма – «дом», иначе и не называют, а для него, выходит, ночлежка.

Ложиться не стал, присел на нары, как и был, в куртке. Сосед же устроился со всеми удобствами, укрылся старым пальто, повернулся к штукатуренной стене. Спит? Сразу не скажешь, дышит ровно, тихо. Неужели не понимает?

«Эй, яблочко, на подоконничке, в Петрограде появились покойнички!»

Дурацкая частушка всплыла, как труп в зимней проруби. Не зря! Про него сочинили, про Фартового. Когда впервые услышал – обиделся. Какие покойнички? Никого не убил, даже не ранил, чисто работал. Потом обижаться уже не имело смысла. Сначала застрелил «опера» прямо напротив Гостиного Двора, потом – ретивого прохожего, чтобы вдогон не бежал. Почестному если, операцию тогда же следовало свернуть. Не дали! Налетчик Фартовый в самую силу входил, к нему питерские деловые тянулись, весь город, как на ладони – кого хочешь, выбирай.

Леонид поморщился. Чекист с Лубянки, лошадь в петлицах, операцию «преступной» величает. А ведь из-за столичных ее и не отменили! Леониду так и поясняли: Столица большой интерес проявляет. Вот тебе, товарищ, первый адрес. Обыск по всем правилам под видом налета. Изъятые доставишь по такому-то адресу в такой-то срок.

«Все руки вверх! Я – Фартовый!»

Чистой работы не получилось. После, когда погибли Варшувлевич и Гавриков, а на Леонида началась беспощадная охота, газеты им чуть ли не полсотни трупов пытались навесить. Бывший чекист не удивлялся и даже не очень злился. В уголовке тоже люди работают, им в конце квартала отчеты сдавать. Как не списать все «висяки» на страшную банду Фартового? Выходит, помог коллегам. Но не всё врал. Вспоминать об этом было тошно, особенно в такую ночь. «Кирочная, дом восемь, товарищ Пантёлкин. Всех, кто в квартире. Повторяю – всех, это приказ. Имитируете налет, но искать будете вот что...»

Кирочная, дом восемь. Какой-то профессор, служил при Северо-Западном правительстве Юденича, только что вернулся из эмиграции. Леонид даже переспросил. Вернулся? Это как же пустили? А после сообразил. Для того и пустили!

Думал, бумаги искать придется или (отчего бы и нет?) казну белогвардейскую, но иначе вышло. Чемоданчик, небольшой да тяжелый. Открывать его Леонид не стал, но все же очень удивился. Сделан был тот чемодан непонятно из чего. Материал твердый, гладкий, рукой приятно гладить. А как присмотрелся, чуть не присвистнул. На ровной поверхности – несколько отверстий. Вроде как розетки, только размер совсем иной. Тогда и догадался – адская машина! Электрическая, по последнему слову буржуазной науки. Прислушался – не тикает, но все равно с великим бережением чемодан уносил. А он еще жалел этого интеллигента. Его в страну пускают, а он, контрик, бомбы привозит!

Теперь же Леонид иначе рассуждал. Если бомба, зачем несколько разъемов, причем все размеры – разные. Сложновато выходит. Может, профессор изобретателем был, вроде американца Эдисона? Но тогда зачем такого полезного – и в расход? Неразумно по нынешним временам. Но, если подумать, и сосед его, седой археолог, обществу полезен, и даже он сам, бывший старший уполномоченный. И спросить уже некого. «Эх, яблочко на подоконничке...»

Рука скользнула в карман, нащупала холодную рукоять. Нашли, когда «ствол» дарить! О чем думали эти доброхоты? Раньше бы, скажем, в авто, можно было попытаться, на рывок уйти. А зачем «бульдог» в камере? Стрельнуться и утра не ждать? Может, для того и дали?

А если совета спросить?

Сосед дышал тихо, но Леонид понял – не спит, тоже все понимает. Не стальной же он, друг-приятель Корнилова!

– Александр Александрович! Ich... Ich habe eine Waffe in der Tasche⁴.

По-немецки – это на всякий пожарный. Даже если слушают, ухо к двери прикладывают, сразу не сообразят. Потому и вместе «einen Revolver» просто «Waffe» вернул.

Понял?

Дыхание – такое же тихое, ровное.

– Nicht helfen, Леонид Семенович. Wir werden, wie zwei Clown im Zirkus.⁵

Язык германских интервентов Леонид пытался учить в «концентраке», пока за проволокой скучал. Успел не слишком много, поэтому насчет «zwei Clown» по смыслу догадался. А что «nicht helfen», так это точно. Это только в американской фильме один коубой против толпы индейцев с «кольцом-миротворцем» выходит.

Леонид поднял воротник куртки, вжал голову в плечи, закрыл глаза.

Темно, темно, темно...

* * *

Пришли не на рассвете – в самую глухую ночь. Скрежет ключа в замке, дверной скрип, резкий свет из коридора:

– П-а-адем! На выход, без вещей. Быстро, быстро!..

Первым шагнул за порог седой. Леонид чуть помешкал, с силой провел ладонью по лицу. Неужели все?

– Пошевеливайся!

В коридоре сразу же за локти взяли, умело и цепко.

– Пошел!

Куда ведут, Леонид смотреть не стал. Только когда ступени под ноги прыгнули, принялся считать пролеты. После третьего понял – в подвал. Вдохнул воздух, понюхал стылую сырость. С тем и успокоился, Страшит и сил лишает неизвестность, когда же все ясно, об ином подумать можно. Только о чем? О «неблагодарном отечестве», как в старых книгах писалось? Теперь отечество у них новое, и законы в нем простые. «Умри ты сегодня, а я завтра». Suum quique.

Каждому – свое!

«Эх, яблочко, да вкусу нового. В морг подарочки везут от Фартового!»

Подолы скользнули по влажной ступеньке, ткнулись о твердый пол. Перед глазами тьма, только вдали что-то желтым огнем светится.

– Пошел! Пошел, говорю!

Толчок в спину, чтобы направление не спутать. Стало быть, к свету. К Тому ли, к Этому, иной вопрос. По бокам громко сопели конвоиры. Леонид прикинул, что вырваться и уйти в темноту не так, чтобы совсем невозможно. Только куда бежать? Там, в другом конце, тоже стенка.

– Сто-о-ой!

Пришли? Неубитое любопытство заставило оглянуться. Первым, что он увидел, были фанерные щиты вдоль стен. Слева, справа, впереди – большой буквой «П». Фонари под потол-

⁴ У меня оружие в кармане (нем.)

⁵ Не поможет. Будем, как два клоуна в цирке (нем.).

ком, толстые черные змеи-провода... Посреди всего этого «покая» – десяток молодых парней в темно-синих «богатырках» и серых шинелях. Зеленые петлицы, зеленые «разговоры», винтовки с примкнутыми штыками, желтая кожа поясов...

Лиц не разглядел – только белые пятна, словно во сне.

Все было ясно, но Леонид не удержался, вновь глянул. Главный тут кто? Никак этот длинный, без винтовки, зато с португеей? Ну-ка, выскажись, служивый. Как там полагается? «Руководствуясь революционной законностью...»

Длинный будто услышал. Неторопливо шагнул вперед, кивнул конвоирам. Те отошли в сторону, в черную тень. Руки стали наконец-то свободы, и Леонид облегченно вздохнул. Поискал взглядом седого. Где вы, Александр Александрович? Слева? Нет, справа, возле ближнего фонаря.

Начальник стал как раз посередине, расставил ноги пошире, словно циркуль проглотил, дернул головой:

– А теперь, суки, одежду скидывай! Всю, с исподним. Быстр-р-ро!..

Рывкнул и снова голову повернул, будто надеялся эхо услышать.

– Александр Александрович, не вздумайте! – откликнулся эхо. – Нет у них такого приказа, это они властью себя тешат.

Начальник замер, ушам своим не веря, затем медленно принялся открывать рот...

– А за «суку» они ответят. Сегодня нам у стенки стоять, завтра кому-то другому.

Рука уже сжимала рукоять «бульдога». Вот и пригодился подарок. Давайте, служивые, проявите прыть! Ох, и пойдут легенды по хазам да малинам, о том, как умирал Фартовый! И товарищи-чекисты самого первого призыва одобряют. И Жора Лафар на своих французских небесах.

– Да что вы себе позволяете!.. – начал было длинный, но словно почувствовал что-то. Умолк.

Немного подумал, ближе подошел.

– Пантёлкин, не нарушайте порядок. Вы не правы, я действую согласно инструкции. А насчет «суки»... Сейчас у нас так принято. Впрочем, персонально перед вами готов извиниться.

Леонид пожал плечами. Принято... Ну и традиции в этой Столице!

– А щиты – против рикошета? Мы матрацами обходились. Ладно, к какой стенке прислоняться?

Скидывать куртку так и не стал. Колотун в подвале, еще подумают, будто он от страха дрожит.

«Ели яблочко, потом оставили. Повязали деловых, в «Кресты» отправили!»

Вот и стенка, и фанерный щит перед ней. Леонид стал слева, седой археолог справа. Пальто Артоболевский все-таки снял и даже расстегнул ворот рубахи. Между тем расстрельщики уже строились, не слишком толково, сбиваясь с ноги. Длинный покрикивал, подгонял...

– Вы гневаетесь, – негромко проговорил археолог, – думаете о пустом, о лишнем. Не годится так, Леонид Семенович. Миг смерти не менее важен, чем миг рождения.

Леонид отпустил горячую рукоять бесполезного револьвера, вынул руку из кармана.

– А чего делать? Я, Александр Александрович, даже в Бога не верю. Мне и молиться нельзя.

– Можно! Повторяйте за мной. *Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя...*

Спорить Леонид не стал. И вправду, верующим легче. 22-й Псалом – в прославление Бога за особенное хранение. «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим...»

Особенное хранение... Что и говорить, самое время.

– Душу мою, обрати, настави мя на стези правды, имене ради Своего. Аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюсь зла...

– Внимание! – рявкнул голос длинного. – Зачитываю приговор...

– Яко Ты со мною еси, жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста, – неожиданно для самого себя выговорил Леонид. – Уготовал еси предо мною трапезу против стужающим мне, умастил еси елеом главу мою, и чаша Твоя упоявающи мя, яко держава...

Краешком сознания он понимал, что даже если в нарушение всех природных законов Господь существует, никакой милости ему, чекисту с декабря 1917-го, никто в мире Ином не окажет. А он не станет жаловаться, и просить не станет. Не из гордости, а потому, что каждый получает свое, и это совершенно правильно. По вору и мука!

– Заряжа-а-ай! Целься!..

– И милость Твоя поженет мя вся дни живота моего, и еже вселити ми ся в дом Господень, в долготу дней.

А еще вспомнился дом на Кирочной и люди, им погубленные. Что за тайну прятал эмигрант? Может, из-за чемоданчика с розетками-разъемами он и решил вернуться, даже рискуя жизнью? Обидно все же выходит. В руках держал, а секрет так и не открылся. Видать, не достоин.

– Аминь! – шепнули губы.

Совсем рядом что-то громко треснуло, хлопнуло, ударило тугим воздухом в уши, толкнуло спиной на влажную фанеру. Леониду в первый миг подумалось, что взорвались лампы. Но почему тогда светло?

– Да стреляйте же! – выдохнул он.

– Они стреляли, – донеслось справа.

Стреляли? Желтый электрический огонь поплыл перед глазами, сердце куда-то исчезло, растворившись в пустоте, фанерный лист за спиной превратился в раскаленную сталь. Леонид качнулся, выпрямился, до боли сжал кулаки. Резко выдохнул, прогоняя смертное наваждение.

– А пули-то не свистели. Шутки шутят гады!..

– Заряжай!..

Серые фигуры послушно передернули затворы «мосинок».

– Целься!

– Эй, вы! – заорал Леонид, уже ничего не страшась и ничему не веря. – Боевыми бейте, хватит издеваться. Или катитесь отсюда к чертовой матери!..

– Не горячитесь, Пантёлкин!

Незнакомый голос, негромкий, но очень отчетливый, донесся словно неоткуда. Лишь присмотревшись, Леонид различил неясный контур у дальней стены, за желтой границей электрического огня. Среднего роста, широкоплечий, в длинном плаще с капюшоном.

– Вам было сделано известное предложение, вы отказались. Теперь поздно предъявлять претензии. Впрочем, если передумаете, дайте знать. Но учтите, в следующий раз патроны будут боевые. Гражданин Артоболевский, вас это тоже касается.

Слова еще отдавались несильным эхом под низкими подвальными сводами, но говоривший уже исчез, растворившись в смутном полумраке и не оставив после себя даже отзвука шагов.

– Сволочи, – шевельнул губами чекист.

Теперь все стало на свои места. Не их первых водили в расстрельный подвал под холостые выстрелы. В далеком уже 1918-м сослуживцы Леонида называли этот способ «прибавкой бодрости». Иногда для пущей достоверности стреляли боевыми, но поверх голов. Товарищ Дзер-

жинский такое не слишком одобрял, будучи по-своему брезглив. «Tani ryby – zupa paskudny, towarzyszy⁶. Учитесь работать красиво».

Внезапно Леонид почувствовал омерзение. То, как с ними «работали», было ничем не лучше подвигов налетчика Фартового. Но и не хуже. Служба одна, и паек один. Бывших чекистов не бывает, товарищ старший оперуполномоченный.

– Дайте закурить, Александр Александрович! Это не мы тут цирк устраиваем. Zwei Clown, verdammt noch mal!⁷

* * *

В камере Леонид, не сняв даже куртку, упал на нары, прислонился лбом к холодной штукатурке, закрыл глаза. Странное думалось ему. Впервые за много лет он, партиз и атеист, воззвал к Творцу. Особенное хранение... *Не убоюся зла...* Воззвал – и пули оказались холодными. Выходит, ему ответили? Или напротив, Ад, полагающийся каждому чекисту, начался еще здесь, на земле? А может, он просто слабый человек, не ровня таким, как Георгий Лафар? Жора бы не испугался, не стал бы просить и каяться!

И тут Леониду стало совсем худо. Не вовремя вспомнил друга, ох, не вовремя!..

...В тот день Жора не улыбался. Таким Леонид его еще не видел – хмурый, озабоченным, даже злым. Это было в июне 1918-го, когда его друг внезапно приехал в Питер. Они заперлись в кабинете на Гороховой, и Георгий, как-то странно морщась, положил на стол толстую тяжелую папку.

– Читай, Лёнька. Читай!

На желтом картоне – размашистая карандашная надпись: «Американский портной». Вместо тесемок ботиночные шнурки, Леониду даже показалось, что бумага пахнет ваксой.

– Не может быть, – твердо заявил он, пролистав первые страницы. – Не верю. Ложь!

– Правда, – вновь поморщившись, возразил друг. – Он шпион, Лёнька, самый настоящий. Завербован в Северо-Американских Штатах четыре года назад, получил гражданство, поселился в Нью-Йорке, был внедрен в редакцию газеты «Новый мир» для освещения работы товарища Троцкого. Вместе с ним весной 1917-го направлен из Америки к нам. Чем интересуется, там тоже есть. Американцы пытаются проследить контакты между нашим руководством и группой Парвуса в Копенгагене. Те самые германские деньги, о которых так много газеты писали. Только деньги-то не германские, а наши. Сейчас твой начальник, товарищ Урицкий, курирует перевод крупных сумм в банки нейтральных стран для нужд Мировой революции. Операция под угрозой. «Американский портной» – наш враг.

– Но он же комиссар печати, пропаганды и агитации, он редактор «Красной Газеты»! – совсем растерялся Леонид. – В Питере, считай, третий человек после товарища Зиновьева и товарища Урицкого!

– Именно! – кивнул Жора. – Арест невозможен. Принято решение о негласной ликвидации. Это не мы, чекисты, его приговорили, а Центральный Комитет. Твоя кандидатура в качестве исполнителя одобрена. Не подкачай, Лёнька!

⁶ Дешевая рыба – плохая юшка (польск.)

⁷ Два клоуна, черт бы их побрал! (нем.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.